

Елена Первушина
**СУДЬБА
РОССИЙСКИХ
ПРИНЦЕСС**

ОТ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ ДО ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
АНАСТАСИИ

**Судьба российских принцесс.
От царевны Софьи до
великой княжны Анастасии**

2017

УДК 929-052
ББК 63.3

Судьба российских принцесс. От царевны Софьи до
великой княжны Анастасии / 2017

ISBN 978-5-227-07536-9

Сказочные царевны живут в высоких башнях и ждут своих женихов, которые совершат в их честь великие подвиги и с которыми они будут жить-поживать да добра наживать. А как живут настоящие царевны? Они близки к высшей власти, но сами почти никогда не обладают этой властью. Они не могут решать свою судьбу, и знают это с молодых ногтей. Более того, они не могут доверять никому. Любое проявление симпатии к ним может быть не искренним, а лишь попыткой подольститься или частью хитрого плана. Они могут только надеяться на то, что их друзья – настоящие друзья и что если они будут очень добрыми, внимательными и щедрыми, то не наживут себе врагов. Бывают ли они счастливы? Стоит ли им завидовать? Ответ на эти вопросы вы, может быть, найдете, когда прочтете эту книгу.

УДК 929-052
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-07536-9

, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава I	7
Софья – сестра и соперница	9
Московские царевны и поездка в Парадиз	18
Сестра и единомышленница	24
Невеста для наследника	26
Петербургские царевны	29
Глава II	36
Переменчивая судьба юной принцессы	38
Новая преграда – внучка Иоанна	44
Дворцовый переворот	48
«Веселая царица была Елисавет»...	51
Свекровь и невестка	54
Глава III	58
Принцесса Анна – чья она дочь?	60
Княжна Тараканова – принцесса или самозванка?	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Первушина
Судьба российских принцесс.
От царевны Софьи до
великой княжны Анастасии

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Принцессы и царевны – сказочные существа. Они всегда молоды и прекрасны. У них по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, а на каждой волосинке по жемчужинке. Они живут в золотом, серебряном и медном царствах или в высоких башнях на горе, и их суженые – иногда Иваны-царевичи, а иногда Иваны-дураки – должны допрыгнуть на своем коне до окна этих башен. И главное, разумеется, их суженые сразу влюбляются в них с первого взгляда, а бывает, даже не видя, – по одному золотому волоску, совершают удивительные подвиги в их честь, находят, спасают от драконов и чудовищ, увозят в свое королевство, где они живут долго и счастливо в любви и согласии.

Из всего этого разве что башня является правдой. Действительно, принцессы или царевны с детства окружены невидимой преградой, которая отделяет их от всех смертных. Они близки к высшей власти в монархических государствах, но сами почти никогда не обладают этой властью. Они не могут решать свою судьбу и знают это с младых ногтей. Более того, они не могут доверять никому. Любое появление симпатии к ним может быть не искренним, а лишь попыткой подольститься или частью хитрого плана. Они могут только надеяться на то, что их друзья – настоящие друзья, и что если они будут очень добрыми, внимательными и щедрыми, то не наживут себе врагов.

Их браки – это союзы двух стран, а не двух людей. В их семейной жизни, даже если в ней каким-то чудом зародилась настоящая любовь, много показного, нарочитого. Современные кинозвезды жалуются, что им приходится проводить жизнь «под прицелом телекамер». Во времена, когда жили наши героини, телекамер не было, но жить «под прицелом» десятков и тысяч внимательных глаз, а то и стен, ничуть не легче.

Порой им грозит настоящая опасность. На них объявляют охоту, и им приходится «замыкаться во дворце», окружая себя стеной охранников, что только усиливает ненависть к ним. Люди будут придирчиво пересчитывать количество их платьев, выяснять цены на их украшения и считать, сколько крестьянских семей могли бы кормиться на эти деньги в год, выяснять меню их обедов и обсуждать количество «ананасов и рябчиков», поданных к столу. Но даже если они станут вести нарочито скромную и добродетельную жизнь, это не обязательно спасет их от ненависти или даже от смерти.

Да есть ли вообще в их жизни что-то, что может послужить поводом для зависти, о чем можно мечтать и чего можно желать себе? Это вы решите сами, когда прочтете эту книгу.

Глава I

Женщины вокруг Петра I

Великолепный и грозный Петр I, царь-реформатор, имевший столь же много верных друзей, сколько и яростных врагов, человек огромного роста и силы, словно сама природа готовила его к исполнению тех задач, что по плечу лишь титану, тот, кто, по словам Пушкина, «Россию поднял на дыбы», последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский, скончался в возрасте пятидесяти трех лет от тяжелой простуды, осложнившейся почечнокаменной болезнью и уремией. Он простудился во время морского путешествия, когда по пояс в холодной воде спасал севший на мель возле Лахты бот с солдатами.

Похороны императора – это политический акт, все детали церемониала исполнены особого значения. Еще 27 января (7 февраля), когда Петр был при смерти, помилованы все преступники, осужденные на смерть или каторгу (исключая убийц и уличенных в неоднократном разбое). В течение месяца (весь февраль и первые десять дней марта) гроб с телом Петра находится в большом зале дома Апраксина на набережной Невы, рядом с Зимним домом, где император провел последние дни (в самом Зимнем доме не было достаточно большого зала, который вместил бы толпу петербуржцев, пришедших попрощаться со своим повелителем).

10 марта 1725 года тело императора отправляется в последнее путешествие – к не освященному еще Петропавловскому собору, где для этого специально построили небольшую деревянную церковь, в ней под балдахином разместили катафалк с гробами императора и его дочери Натальи, умершей 4 марта. Друг и сподвижник Петра, вице-председатель Священного синода, знаменитый просветитель и философ Феофан Прокопович произнес на его похоронах речь, а позже составил документ, озаглавленный «Краткая повесть о смерти Петра Великого».

Описывая катафалк, на котором везли царя, Прокопович отмечает: «За гробом императорским следовала плачущая государыня, ея императорское величество, в печальном платье, с закрытым лицом черною матернею, весьма изнемогающая от печали и болезни. При ея величестве ассистенты были два из сенаторов первейшие. Высокая же ея величества фамилия подобным образом, в таком же платье, за ея величеством следовала таковым порядком: в первом месте по августейшей матери шла дочь ея величества, государыня цесаревна Анна; во втором другая дочь, государыня цесаревна Елисавет; в третьем его императорского величества племянница, государыня царевна Екатерина, герцогиня Мекленбургская; в четвертом другая ея величества племянница, государыня царевна Параскевия (сестра их высочеств царевна Анна, герцогиня Курляндская, в Санкт-Петербурге не была в то время); в пятом месте шла Мария, в шестом сестра ея Анна, Нарышкины девицы; в седьмом шел его королевское высочество Кароль герцог Голштинский, в то время жених государыни Анны цесаревны; в осьмом его высочество Петр, великий князь; по нем шли господа Александр и Иоанн Нарышкины, а великая княжна Наталия Алексеевна за приключившейся немощию

не присутствовала. По сих следовали сенаторские, княжеские, графские и баронские жены, а также и прочие шляхетства знатнейшего и долгую процессии часть составили».

Вряд ли читатель знает, кто все эти женщины, если, конечно, он не профессиональный историк. Нам привычно видеть Петра в мужской компании: вот он в плотницкой рубаше курит трубку и пьет пиво в компании голландских шкиперов, вот в мундире бомбардира развлекается с другими офицерами, вот:

*...он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.*

И все же за гробом царя идут не «птенцы гнезда Петрова», а его семья – шесть женщин. Седьмая горюет дома. Гроб восьмой – дочери Натальи, умершей незадолго до Петра, – едет на том же катафалке. Еще пятеро: царевны Екатерина, Наталья и Маргарита, царица Марфа, вдова царя Федора Алексеевича, и принцесса Шарлотта Христиана София, супруга царевича Алексея, уже похоронены в Петропавловском соборе. И с тем, кем были эти женщины, какую роль сыграли они в жизни Петра и в истории России нам и предстоит разобраться в этой главе.

Софья – сестра и соперница

В 1676 году Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим вовсе не за то, что был смирен и кроток со всеми, а потому что во время его правления в стране царил мир, умер. На престол вступил 14-летний царевич Федор, сын Марии Милославской. Разумеется, при дворе сразу же сформировались две партии: одна поддерживала Милославских, вторая – Нарышкиных, родственников второй жены царя, 25-летней красавицы Натальи Нарышкиной. Наталья Кирилловна с детьми – сыном Петром и дочерьми Натальей и Феодорой – жила в Преображенском и не показывалась в Москве.

Алексей Михайлович

Н.К. Нарышкина

Софья – шестой ребенок и четвертая дочь среди шестнадцати детей Алексея Михайловича и его первой жены – Марии Ильиничны Милославской. Как все московские царевны,

в юности она была затворницей и ее очень редко видели на людях. В свое время Наталья Кирилловна изумляла московский люд тем, что, «проезжая первый раз посреди народа, только открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку». Но Наталья Кирилловна в то время была царицей и любимицей царя, да к тому же получила в доме своего покровителя – боярина Артамона Матвеева и его жены – шотландки Марии Гамильтон, – воспитание, которое можно назвать скорее европейским, чем русским. «Впрочем, – как продолжает хронист, – когда ей объяснили это, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью».

Царевна Софья

И тем не менее еще до знакомства с Нарышкиной Алексей Михайлович изменил кое-что в воспитании своих дочерей. «Терем московских царевен раскрыл свои двери для мужчин, – пишет историк М. Помяловский. – В числе первых, проникших в эти запретные прежде покои, был известный Симеон Полоцкий. Он давал уроки царским дочерям, и Софья была одной из усерднейших его учениц».

Симеон Полоцкий – сподвижник Алексея Михайловича, один из образованнейших людей своего времени, духовный писатель, проповедник, богослов, поэт, драматург, переводчик и придворный астролог. Именно ему поручил Алексей Михайлович давать уроки своим дочерям.

Софья, которой очень подходило ее имя, была умницей, но совсем не красавицей: невысокого роста, плотного сложения, с непропорционально большой головой, но даже ее враги признавали, что она «дева великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная».

В.В. Голицын

В юности царевна познакомилась с красавцем князем Василием Васильевичем Голицыным. Вероятно, он произвел на нее сильное впечатление, да и не мудрено: этот человек умел производить впечатление и не только на робких московских барышень. Сергей Михайлович Соловьев приводит такой отзыв об этом человеке, сделанный французским посланником де ла Нёвиллем: «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италийского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе».

В записках де ла Нёвилля есть и такие слова: «Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня остальных держав. Он хорошо говорит по-латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не заставляя их пить, да и сам он не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе. Не уважая знатных людей, по причине их невежества, он чтит только достоинства и осыпает милостями только тех, кого считает заслуживающими их и преданными себе».

В письмах царевна звала его «свет братцем Васенькой», «светом батюшкою, душою своею, сердцем своим», а однажды собственноручно сделала такую надпись на его портрете:

*«Камо бежиши, воин избранный,
Многажды славне честию венчанный!
Трудов сицевых и воинской брани,
Вечно ты славы дотекые, престани.
Не тыу но образ Князя преславнаго
Во всяких странах, zde начертаннаго,
Отныне будет славою сияти,
Честъ Голицынов везде прославляти».*

Ухаживая за постоянно болеющим братом Федором, Софья, по словам Николая Ивановича Костомарова, «приучила бояр, являвшихся к царю, к своему присутствию, сама призывала прислушиваться к разговорам о государственных делах и, вероятно, до известной сте-

пени уже участвовала в них при своем передовом уме». Она понимала, что царю долго не прожить и что после его смерти мачеха и ее семья попробуют захватить власть. И Софья была готова дать отпор.

* * *

Царь Федор правил 7 лет и показал себя рассудительным и деятельным юношей, подающим большие надежды, которым, однако, не суждено было воплотиться в реальность. После смерти Федора Алексеевича обострилось соперничество между политическими партиями Милославских и Нарышкиных. Из многочисленных детей от двух браков Алексея Михайловича ближайшими претендентами на престол теперь стали: 15-летний Иоанн (или Иван), сын

Марии Милославской, и 10-летний Петр, сын Натальи Нарышкиной. Об Иоанне говорили, что он страдает эпилепсией и слабоумием. «Иоанну можно было поставить в упрек его слабоумие, Петру – его молодость: но последний недостаток с годами проходит, тогда как первый лишь усиливается», – пишет Помяловский. В итоге Нарышкиным удалось венчать на царство Петра.

Софья понимала, что сейчас решается ее судьба и судьба ее сестер и братьев, и действовала решительно. В день похорон Феодора, она, вопреки всем обычаям и приличиям, приняла участие в погребальном шествии, шагая за катафалком наравне с Петром. И не только это! Громко плача, царевна объявила, что царя Феодора отравили враги, и молила не губить ее с братом Иваном, а позволить им уехать за границу. «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов, – причитала Софья. – Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...» Царица Наталья с малолетним царем, не достояв церковной службы, удалились в свои покои.

Сторонники Милославских тоже не дремали. Они подняли московских стрельцов, те 15 (25 мая) 1682 года явились к Кремлю с криками, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Наталья Кирилловна, пытаясь успокоить их, вышла на Красное крыльцо вместе с патриархом, боярами, царем Петром и царевичем Иоанном. Однако это не усмирило восставших. Были убиты Артамон Матвеев и Михаил Долгоруков, два брата царицы и другие ее сторонники. Царица смогла спрятать царевичей в задних комнатах дворца, вероятнее всего, это стало одним из самых страшных воспоминаний юного Петра, в тот день он научился не доверять московским боярам и стал стремиться избегать их. Позже он жестоко отомстит стрельцам и своей сестре.

А пока стрельцы настаивали на том, чтобы оба царевича были провозглашены царями, а Софья – регентшей при них. «Нельзя ее обвинять в создании стрелецкого мятежа, но трудно было бы ждать от нее, чтобы она этим мятежом в своих видах не воспользовалась», – замечает биограф Софьи.

В конце концов, после множества убийств и бесчинств, которые совершали стрельцы, «добиваясь справедливости», нашли компромисс, который хотя бы на словах примирил обе враждующие партии. Царями провозгласили сыновей покойного государя от обоих браков – Ивана («старший» царь) и Петра («младший»).

Как регентша при малолетних братьях, Софья, «по многом отрицании, согласно прошению братии своей, великих государей, склоняясь к благословению святейшего патриарха и всего священного собора, призирая милостивно на челобитие бояр, думных людей и всего всенародного множества людей всяких чинов Московского государства, изволила восприять

правление...». Царевна должна сидеть с боярами в палате, выслушивать доклады думных людей о государственных делах, и ее имя будет стоять во всех указах рядом с именами царей.

Равновесие, однако, оказалось неустойчивым: Наталья Кирилловна понимала, как выгодно была бы сторонникам Софьи смерть малолетних соправителей, и берегла их пуще собственного глаза. Неслучайно политические противники прозвали царицу «медведицей».

Регентша немедленно сформировала свой «кабинет министров», раздавая государственные посты своим приближенным: боярам князьям В.В. Голицыну, И.М. Милославскому, И.Б. Троекурову, В.С. Волынскому, И.Ф. Бутурлину, Н.И. Одоевскому, Ф.С. Урусову, окольничим И.П. Головнину, И.Ф. Волынскому, М.С. Пушкину, стольникам князю А.И. Хованскому, князьям М. и В. Жировым-Засекиным, думным дворянам В.А. Змееву, Б.Ф. Полибину, А.И. Ржевскому, И.П. Кондыреву, думным дьякам В. Семенову, Е. Украинцеву. Она опиралась в основном не на родовитых бояр, а на «служилых людей», дворян.

Осенью 1682 года, перед самой коронацией царевичей, в Москве вспыхнул новый бунт – на этот раз недовольство высказывали старообрядцы. Им удалось снова возмутить стрельцов. Царскую семью и двор уведомили, что если кто-то из них заступится за церковные власти, то всем, начиная с юных царей, «от народа не быть живым». Софья усмирила бунт раскольников, действуя то хитростью, то силой. Она смело назначила «прение о вере» в Грановитой палате и там, втянув расколоучителей в яростный спор, продемонстрировала выборным стрельцам, что их новые лидеры – просто смутьяны и скандалисты. Прения затянулись до вечера, а ночью расколоучители, у которых почти не осталось сторонников, были схвачены и вскоре казнены.

Но Софья оказалась не только ловким политиком, умело соблюдающим баланс между различными партиями, но и талантливым экономистом. При ней в России утвердили единые стандарты мер и весов (1686 г.) и государственный тариф на ямские перевозки (1688 г.). Софья и ее сподвижники, Василий Голицын и Федор Шакловитый, совершенствовали систему законов по защите имущества подданных. Возглавляемый Голицыным Посольский приказ заключил выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепил связи России с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии. Русские войска вели битвы с турками в Крыму и на Азове.

Голицын сопровождал войска, а Софья писала своему любимцу трогательные письма: «Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй, Божию и Пресветую Богородицу и твоим разумом и счастьем победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати, а мне, свет мой, веры не имеется што ты к нам возвратитца, тогда веры пойму, как увижу во объятиях своих тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, агце и грешная. Ей всегда того прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, о Христе на веки неигцетные. Аминь».

«Батюшка мой платить за такие твои труды неисчетные радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, чла идучи, не ведаю, чем его света благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостиваго...»

Первый поход оказался неудачным, войскам пришлось вернуться с полдороги. Во второй раз они перешли «дикую степь» и дошли до Перекопа. Заключили с ханом мир и вернулись в Москву, где их встретили, как победителей. Историки спорят о значении этих походов.

Они считают, что торжественная встреча, устроенная царевной, не могли скрыть откровенного провала Голицына, другие же полагают, что Софья и в мыслях не держала захватить Крым, понимая, что в данных условиях он будет скорее обузой, чем приобретением, что ее целью с самого начала было припугнуть хана и заставить его подписать договор о мире.

Зато Голицын позаботился о благоустройстве столицы. Князь Ф.А. Куракин, краевед и историк XIX века, писал: «В деревянной Москве, считавшей в себе тогда до полумиллиона жителей, в министерство Голицына построено было более трех тысяч каменных домов... Он окружил себя сотрудниками, вполне ему преданными, все незнатными, но дельными, с которыми и достиг правительственных успехов».

Правительница также вызвала из Гамбурга иноземца Захарию Павлова, желая развить в своем отечестве производство бархата, атласа и шелковых тканей. Она пригласила также изготовителей сукон и другого текстиля.

Софья по мере возможности способствовала смягчению дикой «азиатской» жестокости, царившей в русском законодательстве. В 1683 году правительство Софьи заменило смертную казнь за произнесение «непристойных и затейных» слов битьем кнутом и ссылкой, а в 1689 году была отменена казнь «окапываньем», то есть закапыванием в землю живьем, которая до этого применялась к женщинам, убившим своих мужей. «Однако же, — отмечает биограф Софьи, — так как немедленно после этого распоряжения правительству царевны Софии пришел конец, страшная казнь эта ее преемником была удержана». И действительно, английский посол в России Чарльз Витворт описал казнь через закапывание, свидетелем которой он стал уже в 1706 году.

В январе 1685 года Софья основала в Москве Славяно-греко-российскую академию. Поэт Сильвестр Медведев приветствовал это начинание: в своих стихах он воздает хвалу царевне за то, что та «благоволила нам свет наук явити». А побывавшие в Москве иезуиты дивятся тому, что царевна нисколько не чуждается латинского Запада. Одновременно с этим Софья, разумеется, оказывала всемерную поддержку официальной православной церкви и жестоко преследовала раскольников.

* * *

Но цари-наследники подрастали. Софья, естественно, отдавала предпочтение своему родному брату, Ивану Алексеевичу. В 1684 году она женила его на первой красавице двора — Прасковье Федоровне Салтыковой, надеясь закрепить власть Милославских рождением наследника. Однако у царя Ивана и Прасковьи рождались только девочки. Старшие, Мария и Федосия, умерли во младенчестве, а младшие, Анна, Екатерина и Прасковья, — это те самые «его величества племянницы», которые в 1725 году пойдут за гробом Петра следом за его дочерьми.

Но Наталья Кирилловна не собиралась уступать без боя. По словам историка профессора Е.Ф. Шмурло, «за царскую корону ухватились обе женщины: одна для сына, другая для брата, с тем лишь разве различием, что одна по чувству материнскому желала видеть эту корону на голове сына ради интересов сына же; другая в брате видела орудие интересов личных... В сущности, обе стороны стоили одна другой. И если Софья очутилась в рядах нападающих, то ведь там, где идет борьба, надо же кому-нибудь нападать и кому-нибудь защищаться».

Наталья Кирилловна поспешила выбрать невесту и для Петра. Ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 года.

«Род же их, Лопухиных, был из шляхетства среднего, токмо на площади знатного, для того, что в делах непрестанно обращались по своей квалиты знатных, а особливо по старому обыкновению были причтены за умных людей их роду, понеже были знающие в приказ-

ных делех, или, просто назвать, ябедники, – пишет князь Борис Куракин, в своем сочинении „Гистория о царе Петре Алексеевичей – Род же их был весьма людный, так что чрез ту притчину супружества, ко двору царского величества было введено мужеского полу и женского более тридцати персон. И так оный род с начала самого своего времени так несчастлив, что того ж часу все возненавидели и почали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы, и все им зла искали или опасность от них имели.

О характере принципиальных их персон описать, что были люди злые, скупые, ябедники, умом самых низких и не знающие нимало во обхождении дворовом, ниже политики б оный знали...

Е.Ф. Лопухина

Правда, сначала любовь между ими, царем Петром и супругою его, была изрядная, но продолжилась токмо разве год. Но потом пресеклась, к тому ж царица Наталья Кирилловна невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем ее в несогласии, нежели в любви. И так дошло до конца такого, что от сего супружества последовали в государстве Российском великие дела, которые были уже явны на весь свет, как впредь и гистории увидишь».

* * *

Молодая царица вскоре забеременела (в 1690 г. она родит сына – царевича Алексея). Петр, вероятно, не желая играть с судьбой в чет-нечет, решил взять власть в свои руки. Тем более что Софья постоянно пыталась приучить народ и бояр к той мысли, что именно она является законной правительницей Руси. Она давала аудиенции послам; она, подобно царям, допускала митрополитов к руке; она отмечала торжественными богослужениями 17 сентября, день своего тезоименитства; она совершала торжественный выход в храм и занимала там особое место. В 1684 году Софья повелела чеканить свое лицо на монетах и медалях, в 1685 году воздвигла себе новый каменный дворец, а с 1686 года официально приняла титул самодержицы.

8 июля 1689 года назначили крестный ход из Кремля в Казанский собор в память освобождения Москвы от поляков. Царь Петр прилюдно заявил сестре, что она не должна при-

нимать участия в процессии, когда же Софья не пожелала его слушать, разгневанный Петр уехал в Коломенское. Царевна, опасаясь за свою власть и жизнь, решила снова обратиться к стрельцам, но те выказали мало воодушевления. Меж тем отношения между братом и сестрой продолжали накаляться.

В ночь на 7 августа Софья заперлась в Кремле и собрала под ружьем до 700 стрельцов. Напуганный Петр той же ночью уехал из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, где было собрано тайное ополчение, к которому присоединились солдаты и некоторые стрельцы. На сторону Петра перешел царь Иван. Петр писал старшему брату: «Теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титулах и в расправе дел быти не изволяем... Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!».

Софье отправили прямой запрос, чего ради она собирала ночью стрельцов. Она ответила, что эти войска должны были сопровождать ее в богомолье. В свою очередь, Софья послала к Петру князя Троекурова убеждать его вернуться, – царь наотрез отказался. Тогда царевна сама двинулась к Троице, думая уладить дело путем личного свидания с братом. Но послы Петра встретили ее и потребовали, чтобы она вернулась обратно, угрожая применить силу. Дорога от Воздвиженского, где находилась Софья, до Троицы лежит под огнем монастырских пушек; царевне оставалось только вернуться, горько жалуясь на свою неудачу оставшимся ей верными старым стрельцам. А в Москву уже явились сторонники Петра, требуя, чтобы им выдали приближенных Софьи. Особенную их ненависть вызывал начальник стрелецкого приказа Федор Шакловитый. Того же требовали у царевны и пока еще верные ей стрельцы, говоря о том, что пора прекратить смуту. Царевна отказалась выдать верного своего слугу и одного из лучших друзей, убеждая их, что злые люди хотят рассорить ее с братом и обвиняют Шакловитого из зависти к его безупречной службе. Она напомнила им, что управляла государством семь лет, приняв правление в смутное время, восстановила мир, поддерживала христианскую веру, защищала и укрепляла границы. Она поила их вином и водкой и умоляла остаться верными ей. Но стрельцы стали грозить ей мятежом. Обливаясь слезами, царевна поспешила приготовить Шакловитого к смерти; его причастили, и Софья своими руками отдала его стрельцам. Его отвезли к Петру, допрашивали, пытали, а позже отрубили голову.

7 сентября издан указ об исключении имени царевны Софии из титула. Молодые цари заточили бывшую регентшу в Новодевичий монастырь, казнив ее приближенных.

* * *

Софье напомнила о себе в 1698 году, во время необычайного для русских людей путешествия царя Петра за границу. По Москве пошли слухи, что царевна говорила, будто Петр I не является ее братом, что в Европе его подменили. Выведенные из терпения действительно тяжелыми условиями службы, четыре стрелецких полка на пути из Азова к западной границе возмутились, подстрекаемые сподвижниками Софьи. Но мятежников разгромили под Воскресенским монастырем. Царь Петр сам учинил допрос сестры, и та наотрез отказалась от всякого участия в мятеже. Легенда гласит, что, выходя из кельи Софьи, царь произнес с сожалением: «Умна, зла, могла бы быть правой рукой». Но даже если эта легенда правдива, то, несмотря на невольное уважение, оказанное сестре, Петр все равно повесил 195 человек под окнами Новодевичьего монастыря и не позволял снимать трупы на протяжении 5 месяцев.

Софью царь приказал постричь в монахини. Однако, и после этого, опасения Петра не успокоились, в монастыре постоянно находился отряд, который стерег «инокиню Сусанну», так теперь звали Софью. Князю Ромодановскому, которому вверили надзор за узницей, дали следующие указания: «Сестрам, кроме Светлой Недели и праздника Богородицына, который в июле живет (18 июля – Смоленской Богоматери), не ездить в монастырь в иные дни, кроме болезни. Со здоровьем посылать Степана Нарбекова, или сына его, или Матюшкиных; а иных, и баб, и девок, не посылать; а о приезде брать письмо у князя Федора Юрьевича. А в праздники быв не оставаться; а если останется – до другого праздника не выезжать и не пускать. А певчих в монастырь не пускать; поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют „спаси от бед“, а в паперти деньги на убийство дают».

Софья скончалась 3 (14) июля 1704 года и похоронена там, где провела остаток своих дней, – в Новодевичьем монастыре, а не в Воскресенском монастыре в Кремле, где лежали остальные московские царицы и царевны. Спустя почти 100 лет другая царица – Екатерина II – скажет о ней такие слова: «Когда согласишься на дела, прошедшие через ее руки, то нельзя не признать, что она весьма способна была царствовать».

Московские царевны и поездка в Парадиз

Рождение сына – царевича Алексея – давало младшему брату политическое преимущество перед старшим. Впрочем, пока он увлечен своими потешными полками и военными учениями и проявляет мало интереса к политике.

Историк С.М. Соловьев писал: «Семнадцатилетний Петр был еще не способен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился позже, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел».

Следующие несколько лет современники называли иногда «правлением царицы Натальи Кирилловны». Впрочем, тут же оговаривались, что новая правительница была ни мало не похожа на предыдущую.

«Сия принцесса доброго темпераменту, добродетельного, только не была ни прилежная ни искусная в делах, и ума легкого. Того ради вручила правление всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину и другими министрам», – пишет Борис Куракин.

В 1696 году умер «старший царь» Иван Алексеевич, и его вдова Прасковья Федоровна вместе с тремя выжившими дочерьми – Анной, Екатериной и Прасковьей, соответственно четырех, трех и двух лет от роду, – поступили под опеку Петра. Им отвели Измайловский дворец. Тихая и скромная вдовья царица была, вероятно, хорошим психологом и дипломатом – она быстро сдружилась с молодым царем и его сестрой. Кроме того, посредством браков своих дядей, а также родного и двоюродных братьев, Прасковья состояла в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими, поэтому обладала определенным политическим влиянием. В 1698 году вдовой царице нанес визит посол Римского императора. Благодаря этому визиту мы можем получить представление о том, как текла жизнь в Измайлове, когда там гостили обитатели Преображенского.

«За послом, – пишет секретарь посольства Корб, – следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царицы, царевич и незамужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть еще приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов».

«Царевых племянниц» учили немецкому и французскому языку и танцам – вероятно, с прицелом на браки с иностранными правителями. Но царевны в иноземных науках так и не преуспели. Однако от своих планов Петр не отказался – неслучайно голландский живописец Корнелис де Бруйн, присланный Петром в Измайлово в 1703 году, пишет портреты царицы и царевен в европейских платьях.

Прасковья Федоровна

«Поговорив со мною часа с два, его величество, приказавший во все это время угощать меня разными напитками, оставил меня, и князь Александр подошел ко мне, – пишет де Брюйн в своих мемуарах «Путешествие в Московию». – Он сказал мне, что царь, узнав, что я искусен в живописи, пожелал, чтобы я снял портреты с трех юных малых княжон, дочерей брата его, царя Ивана Алексеевича, царствовавшего вместе с ним до кончины своей, последовавшей 29 января 1696 года. Это, собственно, и было главным поводом, прибавил он, для чего я приглашаюсь теперь ко двору. Я с удовольствием принял такую честь и отправился с сим вельможей к царице, матери их, в один потешный дворец его величества, называемый Измайловым, лежащий в одном часу от Москвы, с намерением прежде увидеть княжон, чем начать уже мою работу. Когда я приблизился к царице, она спросила меня, знаю ли я по-русски, на что князь Александр ответил за меня отрицательно и несколько времени продолжал разговаривать с нею. Потом царица приказала наполнить небольшую чарку водкой, которую она и поднесла собственноручно князю, и князь, выпив, отдал чарку одной из находившихся здесь придворных девиц, которая снова наполнила чарку, и царица точно таким же образом подала ее мне, и я, в свой черед, опорожнил ее. Она попотчевала также нас и по рюмке вином, что сделали и три молодые княжны. Затем был налит большой стакан пива, который царица опять собственноручно подала князю Александру, и этот, отпивши немного, отдал стакан придворной девице. То же повторилось и со мною, и я только поднес стакан ко рту, потому что при дворе этом считают неприличным выпивать до дна последний подносимый стакан пива. После этого я переговорил насчет портретов с князем Александром, который довольно хорошо понимал по-голландски, и когда мы уже собирались уходить, царица и три ее дочери-княжны дали нам поцеловать правые свои руки. Это самая великая честь, какую только можно получить здесь».

Екатерина Ивановна

Он оставил описание царицы и ее дочерей: «В это время я получил дозволение взять к себе на дом портреты молодых княжон, нарисованных мною в рост, для окончания. Царь приказывал мне несколько раз кончить их поскорее, потому что он должен был отослать куда-то эти портреты, но куда именно, я не знал. Я исполнил это приказание с возможной поспешностью, представив княжон в немецких платьях, в которых они обыкновенно являлись в общество, но прическу я дал им античную, что было предоставлено на мое усмотрение.

Анна Ивановна

Перехожу теперь к изображению царицы, или императрицы, Прасковьи Федоровны. Она была довольно дородна, что, впрочем, нисколько не безобразило ее, потому что она имела очень стройный стан. Можно даже сказать, что она была красива, добродушна от при-

роды и обращения чрезвычайно привлекательного. Ей около тридцати лет. По всему этому ее очень уважает его величество царевич Алексей Петрович, часто посещает ее и трех молодых княжон, дочерей ее, из коих старшая, Екатерина Ивановна, – двенадцати лет, вторая, Анна Ивановна, – десяти и младшая, Прасковья Ивановна, – восьми лет. Все они прекрасно сложены. Средняя белокура, имеет цвет лица чрезвычайно нежный и белый, остальные две – красивые смуглянки. Младшая отличалась особенною природною живостью, а все три вообще обходительностью и приветливостью очаровательною. Любезности, которые оказывали мне при этом дворе в продолжение всего времени, когда я работал там портреты, были необыкновенны. Каждое утро меня непременно угощали разными напитками и другими освежительными, часто также оставляли обедать, причем всегда подавалась и говядина, и рыба, несмотря на то, что это было в Великий пост, – внимательность, которой я изумлялся. В продолжение дня подавалось мне вдоволь вино и пиво. Одним словом, я не думаю, чтобы на свете был другой такой двор, как этот, в котором бы с частным человеком обращались с такой благосклонностью, о которой на всю жизнь мою сохраню я глубокую признательность».

Прасковья Ивановна

Петру не слишком нравился традиционный русский уклад Измайлова, где собиралось множество богомольцев, гадалок, странников и странниц, выдающих себя за «святых людей». Петр звал эти сборища «госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов», но тем не менее он никогда не заставлял Прасковью перенять европейские манеры и, по свидетельству современников, «советы и просьбы ее никогда не презирал».

В 1702 году Петр праздновал в Измайлове первую крупную в ходе Северной войны победу над шведами, царица Прасковья принимала у себя не только Петра и его сподвижников, но и иностранных дипломатов с женами.

В 1705 году размеренную жизнь подмосковных затворниц нарушило событие, наверняка породившее много сплетен и кривотолков. Датский посланник Юст Юль, путешествовавший в это время со двором Петра, так описывает случившееся: «Я ездил в Измайлово – двор в 3-х верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми царевнами. Поехал я к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали мне следующее. Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру

свою Наталью Алексеевну, в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законной его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после смерти они должны будут смотреть на нее, как на законную его супругу».

* * *

В 1706 году Петр издал указ, согласно которому знатным московским людям надлежало переселиться в новую столицу. И одними из первых этот указ исполнили члены его собственной семьи. 22 марта 1708 года отправился в путь целый караван колымаг, повозок и подвод. Кроме сестры царя, царевны Натальи Алексеевны, и царицы Прасковьи с дочерьми, ехали царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, единокровные сестры Петра – царевны Марья и Феодосия, князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и множество именитейших сановников.

Путешествовали в каретах, которые представляли собой крытый кузов, подвешенный на ремнях или цепях, прикрепленных к высоким подставкам, которые покоились на передней и задней осях четырехколесного основания. В каждую карету было впряжено несколько лошадей: от двух – у простых путешественников, до двенадцати – у особ царской крови. Кучер сидел верхом, на одной из лошадей. В таких экипажах было удобно путешествовать по хорошим дорогам, но по бездорожью езда была очень тряской.

Кроме того, лошадей часто приходилось кормить и менять, также и люди нуждались в пище и отдыхе. Поэтому «караван» двигался медленно.

По суше путешественницы добрались до Шлиссельбурга – бывшей шведской крепости Нотебург. Здесь ожидал их Петр.

«Государь не токмо что сам страстную охоту к водяному плаванию имел, но желал также приучить и фамилию свою, – пишет царев токарь Андрей Нартов. – Сего ради в 1708 году прибывших из Москвы в Шлиссельбург цариц и царевен встретил на буерах, на которых оттуда в новую свою столицу и приплыл. И когда адмирал Апраксин, верстах в четырех от Петербурга, на яхте с пушечною пальбою их принял, Петр Великий в присутствии их ему говорил: „Я приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись впредь моря и чтоб понравилось им положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен часто бывать на море“.

Его величество подлинно сие чинил и многократно в Петергоф, Кронштадт и Кроншлот с царскою фамилиею по морю ездая, для чего и приказал для них сделать короткие бостроки (безрукавки. – Е. Я.), юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшие из Москвы и в вышепоказанном плавании находившиеся были: царица Прасковья Феодоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, и дочери его – царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталья, Мария и Феодосия Алексеевны».

Вероятно, царицы и царевны впервые оказались в морском плавании, впрочем, оно протекало благополучно. А вот новая столица, уже прозванная «парадизом», то есть раем, встретила их неласково.

Маленький домик Петра I на Петербургской стороне, разумеется, не мог вместить царственных особ вместе со всей их свитой. Поэтому их поместили в доме губернатора. Цариц и царевен встречали праздничным салютом, потом начался пир.

Затем, далеко за полночь, утомленные гости уснули. В десятом часу утра их разбудил крик: «Пожар, пожар!». Вероятно, кто-то из пьяных гуляк, засидевшихся вчера за столом,

ненароком поджег дом. Все люди спаслись, но большая половина верхнего жилья сгорела со многими вещами и пожитками.

Стало ясно, что нужно обзаводиться собственным хозяйством.

Петр I отдал распоряжения о строительстве домов и повез семейство знакомиться с окрестностями города. Первым делом съездили в Кронштадт, полюбовались на строящиеся форты и верфи, затем выехали в Нарву, осмотрев по пути Копорье и Ямбург. В Нарве отпраздновали день ангела государя молебнами, пушечным салютом, фейерверками и снова торжественным обедом. Затем государь поехал далее, навстречу Полтавской битве, а женщины вернулись в Петербург.

Прасковья с дочерьми поселилась на Петербургской стороне, где в то время располагалась гавань, в которой теснились сотни кораблей из Ладogi, Новгорода и других городов с товарами и съестными припасами. Вероятно, ее дворец был деревянным или мазанковым, как большинство домов в Петербурге. Ее ближайшими соседями оказались князь Меншиков, канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер Остерман, барон Шафиров. Рядом находился первый гостиный двор, сгоревший в 1710 году.

Позже семейству вдовой царицы выделили еще и загородное имение, названное в честь ее покойного супруга Ивановским. От него получила название и речка Ивановка, прежде называвшаяся Хабой (Наарајокі – Осиновка). Деревянный Ивановский дворец по меркам петровского времени был большим – на девять светлиц, и представлял собой двухэтажное здание с одноэтажными боковыми частями, вытянутое вдоль бровки террасы. Колонны поддерживали балкон во всю ширину второго этажа. Дом стоял на обнесенной балюстрадой террасе, с обеих сторон которой возвышались восьмигранные двухъярусные беседки – люстгаузы. Рядом находились большой фруктовый сад и скотный двор. Русло реки запрудили и устроили мельницу.

Сестра и единомышленница

В первые годы после того, как Петр стал полновластным правителем, юной Наталье Алексеевне, по-прежнему жившей в Преображенском, вероятно, не хватало компании брата, когда у него появились свои, мальчишеские забавы, в которых она, как девочка, не могла принимать участия, поскольку в то время это считалось не уместным. Совсем одиноко ей стало, когда в 1694 году умерла Наталья Кирилловна, а в 1697 году Петр уехал с посольством за границу.

Позже у Натальи Алексеевны появился приемный сын – в 1698 году Петр заставил Евдокию Лопухину принять постриг, а образование и воспитание малолетнего царевича поручил сестре.

Пока Петр сражался за балтийские земли и строил Санкт-Петербург, Наталья задумала новый проект. Вероятно, в детстве она не раз слышала от матери о необыкновенном развлечении, которым тешил ее царь-батюшка. И сейчас царская сестра решила организовать свой театр. Петр поддержал ее, приказав передать Наталье «комедияльное и танцевальное платье», а также декорации и тексты пьес, привезенные несколькими годами раньше немецкими театрами в Москву. Актерами стали приближенные и слуги. В репертуаре были инсценировки житий святых и пьесы на сюжеты переводных романов. Посмотреть спектакли приезжали обитатели Измайлова.

Наталья Алексеевна

В новой столице Наталья Алексеевна поселилась тоже на берегу Невы, но в Литейной части, по соседству с Кикиными палатами, где тогда находилась Кунсткамера (ее дворец стоял на месте, где ныне проходит Шпалерная улица). Каменный дворец, построенный в 1714 году, состоял из трех корпусов: главного, трехэтажного, и двух боковых, двухэтажных, расположенных в форме буквы «Г» и охватывавших широкий двор, где, очевидно, располагались служебные постройки: сараи, амбары, домики для слуг. При дворце находилась церковь, сначала домовая, а затем в отдельном здании, названная «церковью во имя Воскресения Христова, что за Литейным проспектом».

На участке Натальи Алексеевны по ее приказу построили еще и отдельное здание богадельни – это первая богадельня в Петербурге и одновременно первый «воспитательный дом». Сюда приносили всех подкидышей, или «засорных детей», как их тогда называли. Также царевне пожаловали мызу Хотчино (современная Гатчина).

Переехав в Петербург, Наталья Алексеевна быстро «взялась за старое» – устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики. Петербургский театр тоже был любительским. Ее перу принадлежат «Комедия о святой Екатерине», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия», а также драма «Действие о Петре Златые Ключи», которая рассказывала о пользе заграничных путешествий для молодых людей, желающих получить образование.

Герой пьесы, сын знатного француза Петр, страстно желающий поехать в «иные царства», обращается к своему отцу с такой речью:

*Намерен я, государь, о том вас просити,
Чтоб в иные царства от вас мне отбыты,
Где могу кавалерских дел я обучаться,
И народов чужих нравов насмотряся...
Где поживши немного и к вам возвращуся, —
И себе многу славу могу заслужити,
Так что все царство будет меня чтити...*

Но не только страсть к наукам одолевает героя. «Действие о Петре...» – один из первых любовных романов, с которыми познакомилась русская публика. Петр и его возлюбленная Магилена наслаждались «речами любительными», «милым друг на друга зрением» и «великим веселием».

Большой популярностью пользовались сатирические интермедии, высмеивавшие страхи ретроградов, но одновременно распутство и мздоимство молодых петербургских чиновников.

Невозможно точно установить, как велика была доля участия Натальи Алексеевны в создании этих текстов. Возможно, она что-то переводила с иностранных языков, возможно, что-то сочиняла сама, возможно, в написании принимали участие другие члены труппы. В любом случае, театр жил и действовал, удивляя публику новым, невиданным еще развлечением.

Однако Наталья прожила в Петербурге недолго, болезнь унесла ее в 1716 году. После смерти царевны более двухсот томов из ее личной библиотеки (очень значительное собрание по меркам того времени) поступили в царское книгохранилище, театральная же часть ее была отослана в Санкт-Петербургскую типографию.

Незадолго до этого умерла Марфа Матвеевна Апраксина-Романова, вторая жена царя Федора III Алексеевича, бывшая царицей всего 71 день, а царской вдовой – 33 года. Наталья Алексеевна и Марфа Матвеевна похоронены в Петропавловском соборе.

Невеста для наследника

Согласно воле отца, старший сын Петра Алексей Петрович должен был, по примеру наследников правящих европейских домов, сочетаться браком с иностранкой. В 1711 году его женой стала 17-летняя принцесса герцогского дома Брауншвейг-Вольфенбюттельская Шарлотта Кристина София. Земельные владения ее родителей были невелики, но принцесса была весьма родовита. Ее старшая сестра Елизавета стала женой императора Австрии Карла VI; младшая сестра Антуанетта – герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттельской, выйдя замуж за двоюродного дядю Фридриха Альберта. Кроме того, София Шарлотта приходилась родственницей курфюрсту Ганноверскому – будущему королю Англии Георгу I. Она была светской и образованной девушкой, прекрасно владела французским и итальянским языками, знала латынь, играла на лютне и клавесине, отменно танцевала, рисовала и рифмовала стихи. Она не пришла в восторг от «московского сватовства», но покорно подчинилась воле отца и деда – герцога Брауншвейгского Антона Ульриха, желавших породниться с одним из могущественнейших государей того времени.

Свадьбу отпраздновали в саксонском городе Торгау, и поначалу молодоженам казалось, что им удастся полюбить друг друга. «Я нежно люблю царевича, моего супруга, – писала София Шарлотта своей матери. – Я бы несколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему в жертву или этим доказать ему мое расположение, и хотя я имею всевозможные поводы опасаться, что он меня не любит, – мне кажется, что мое расположение от этого еще увеличивается...».

Шарлотта Кристина София

Но эта иллюзорная страсть быстро рассеялась, и династический брак, связавших двух малознакомых людей, выросших в совершенно различных условиях, начал разрушаться изнутри. Царевич уезжал из дома, пьянствовал, изменял жене. Вскоре принцесса уже признавалась: «Мое положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит еще менее чем когда-либо...».

Исполняя разные поручения отца, Алексей почти два года провел за границей. Наступило время вернуться в Петербург. Петр радостно встречал свою первую невестку — ту самую иноземку, через которую он породнился с правящими домами Европы.

Посол Австрии Плейнер писал своему императору: «Когда экипаж Шарлотты подъехал к Неве, к берегу подошла новая, красивая, обитая красным бархатом и золотыми галунами шлюпка. На шлюпке находились бояре, которые должны были приветствовать кронпринцессу и перевезти ее на другой берег. На этом берегу стояли министры и другие бояре в одеждах из красного бархата, украшенных золотым шитьем. Неподалеку от них царица ожидала свою невестку. Когда Шарлотта приблизилась к ней, она хотела, согласно этикету, поцеловать у нее платье, но Екатерина не допустила ее до этого, сама обняла и поцеловала ее и потом проводила в приготовленный для нее дом. Там она повела Шарлотту в кабинет, украшенный коврами, китайскими изделиями и другими редкостями, где на небольшом столике, покрытом красным бархатом, стояли большие золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и разными украшениями. Это был подарок на новоселье, приготовленный царем и царицей для их невестки».

Церемонию встречи принцессы в российской столице возглавляла Екатерина, так как царь в это время воевал в Финляндии, а Алексей надзирал за строительством кораблей на Ладоге. С мужем Шарлотта увиделась только в середине лета. Алексей, боясь гнева отца, старался выказать жене всяческое почтение и даже заставил ее на короткое время поверить в то, что она любима.

«Царь меня осыпает ласками и милостями, — писала она матери из Петербурга. — Мне теперь не только правильно выплачивают четвертные деньги, но сначала я получала также всю нужную для меня провизию, а теперь мне назначено несколько имений для покрытия расходов по хозяйству. Эти имения отданы мне в полное распоряжение, и мне принадлежит даже судебная власть над ними. В них живет 600 душ, а скоро мне дадут еще 900, что составит вместе 1500. Впрочем, эти имения рассеяны по разным местам.

Царь во время своего пребывания здесь был очень ласков ко мне, он говорил со мной о самых серьезных делах и уверял меня тысячу раз в своем расположении ко мне. Царица со своей стороны не упускает случая выразить мне свое искреннее уважение. Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если у меня отсутствует что-либо, даже малозначащее, и я люблю его безмерно».

Однако вскоре неустроенная жизнь в Петербурге начинает надоедать ей: «Я никогда не составляла себе слишком выгодного мнения о России и ее жителях, — писала она отцу, — но то, что я увидела, превзошло мои ожидания. Нужно жить среди русских, чтобы их хорошенько узнать. Для того чтобы приобрести их расположение, необходимо сделаться русским и по духу, и по нраву, и даже в таком случае это не всегда удастся... Они в высшей степени корыстны, и если одолжишь их чем-нибудь, то они полагают, что рассчитываешь на их благодарность, и тогда они начинают ненавидеть лицо, которое их облагодетельствовало. Доставив им какое-нибудь удовольствие, вы еще должны относиться к ним с той признательностью, которую могли бы от них ожидать, и благодарить их за то, что они приняли подарок, иначе они очень обидятся. Понятия их очень спутаны, самые ужасные кутежи распространены между ними, во время богослужения и молитвы они ведут себя чрезвычайно легкомысленно, нечистоплотность их доходит до крайних размеров, нет области в Германии, жители которой не были бы образованнее русских, то есть тех из них, которые ничего не видели, кроме своей родины. Одним словом, это очень непривлекательный народ».

Семейная жизнь тоже вернулась в прежнее русло: «Один Бог знает, как меня здесь огорчают, и вы усмотрели, как мало любви и внимания у него ко мне, — признавалась София Шарлотта. — Я всегда старалась скрывать характер моего мужа, сейчас маска против моей воли спала. Я несчастна так, что это трудно себе представить и не передать словами, мне

остается лишь одно – печалиться и сетовать. Я презренная жертва моего дома, которому я не принесла хоть сколько-нибудь выгоды...».

В 1714 году София Шарлотта писала матери: «Если б я не была беременна, то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня своим духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...».

Она родила в 1714 году дочь Наталью, а год спустя – сына Петра. Вторых родов принцесса не пережила. «Иноземку» похоронили в Петропавловском соборе. Плейнер писал в Вену: «Ее смерти много содействовали разнообразные огорчения, которым она постоянно подвергалась. Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались после долгих хлопот и так скудно, что она никогда не получала более 500 или 600 рублей за раз, так что она постоянно нуждалась и была не в состоянии платить своим придворным. Она и ее придворные задолжали у всех купцов. Она также заметила зависть со стороны царского двора по случаю рождения царевича и знала, что царица тайно старается ей вредить. От всего этого она находилась в постоянном огорчении».

Петербургские царевны

Обустроив семейство в Петербурге, Петр занялся обустройством личной жизни. К тому времени Екатерина уже родила царю четырех сыновей и трех дочерей, но выжили только две девочки, Анна и Елизавета. Желая узаконить их рождение и вознаградить Екатерину за ее верную любовь, Петр обвенчался с ней 19 февраля 1712 года в Петербурге, в церкви Исаакия Далматского. Маленькие царевны ходили вокруг аналая вместе со своей матерью и тем самым были официально признаны законными дочерьми Петра.

Жили царь с царицей, по всей видимости, в любви и согласии. Знаменитый историк Н.И. Костомаров в своей статье «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица» приводит целый список подарков и шуточных посланий, которыми обменивались царственные супруги.

Екатерина Алексеевна

«Когда государь находился за границею, Екатерина посылала ему пива, свежепросоленных огурцов, а он посылал ей венгерского вина, изъявляя желание, чтоб она пила за здоровье, и извещая, что и он с теми, которые тогда находились при нем, будет пить за ее здоровье, а кто не станет пить, на того прикажет наложить штраф».

Церковь преподобного Исаакия Далматского в 1710 г.

И. А. Клюквин. Конец 1850-х гг., по рисунку начала XVIII в.

В 1717 году Петр благодарил Екатерину за присланный презент и писал ей: «Так и я посылаю отсель к вам взаимно. Право, на обе стороны достойные презенты: ты прислала мне для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости вашей». Вероятно, «для вспоможения старости» Екатерина послала тогда Петру вина, а он ей каких-нибудь нарядов. В следующем году Петр из Брюсселя прислал Екатерине кружева, а Екатерина отдала его вином. Находясь в этом же году на водах в Спа, Петр писал: «Сего момента Любрас привез от вас письмо, в котором взаимно сими днями поздравляете (то была годовщина Полтавской победы) и о том же тужите, что не вместе, так же и презент две бутылки крепыша. А что пишете для того мало послала, что при водах мало пьем, и то правда, всего более пяти в день не пью, а крепыша по одной или по две, только не всегда, иное для того, что сие вино крепко, а иное для того, что его редко». Сама Екатерина, показывая заботливость о здоровье супруга, писала ему, что посылает «ему только две бутылки крепыша, а что больше того вина не послала, и то для того, что при употреблении вод, чаю, не возможно вам много кушать». Супруги посылали друг другу также ягоды и фрукты: Екатерина в июле 1719 года послала Петру, находившемуся тогда в морском походе против шведов, «клубники, померанцев, цитронов» вместе с бочонком сельдей, а Петр послал ей фруктов из «ревельского огорода».

Как заботливая жена Екатерина посылала супругу принадлежности одежды и белья. Однажды из-за границы он ей писал, что на устроенной пирушке он был одет в камзол, который она ему перед тем прислала, а другой раз, из Франции, он сообщал о получении посланного ему белья: «У нас хотя есть портоmoi, однакож вы послали рубашки». В числе презентов, отправленных Екатерине, один раз были его остриженные волосы, а в 1719 году он послал ей из Ревеля цветок мяты, которую прежде с Петром в Ревеле она сама посадила; а Екатерина отвечала ему: «Мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек»».

В их браке рождались дети, но они не жили долго. Царевны Наталья Петровна и Маргарита Петровна не прожили и года. Затем появился долгожданный сын Петр Петрович (через 12 дней после дня рождения самого Петра). С тех пор Екатерина спешит сообщить своему «старикку» (прозвище Петра I) новости о «Шишечке» (прозвище Петра-младшего).

«Доношу, – писала Екатерина в августе 1718 года, – что за помощью Божиею я с дорогою нашею Шишечкою и со всеми в добром здоровье. Оный дорогой наш Шишечка часто своего дрожайшего папа упоминает, и при помощи Божией в свое состояние происходит и непрестанно веселится мунштированием солдат и пушечного стрельбою».

А позже намекает: «В другом своем писании изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными, и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая Шишечка на будущий год поспела!».

Несмотря на то что младший брат Петра Петровича Павел умер, прожив всего один день, Петр считал, что продолжение его рода обеспечено, поэтому, когда вскрылся заговор царевича Алексея, царь, не колеблясь, казнил старшего сына. Но бедный Шишечка умер через три месяца после казни старшего брата, и ближайшим кандидатом в наследники стал Петр Алексеевич. В том же году родился последний ребенок Петра – царевна Наталья Петровна, но ее появление на свет не могло утешить отца.

15 ноября 1723 года Петр I опубликовал манифест, в котором оповещал всех своих подданных, что, «по данному ему от Бога самовластию», намерен увенчать супругу императорской короной, так как она «во всех его трудах помощница была и во многих воинских действиях, отложив женскую немочь, волею с ним присутствовала и елико возможно помогала, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей армии, а от нее несомненно и всему государству». Церемония состоялась в Успенском соборе в Москве.

Однако в последние годы между супругами наступает некоторый разлад. Петр I никогда не отказывал себе в коротких интрижках на стороне. Но в 1724 году до него дошли слухи, что такую интрижку позволила себе Екатерина. «Героем ее романа» современники называли Вильяма Монса, камер-юнкера Екатерины, младшего брата Анны Моне, бывшей первой любовницы Петра. Монса казнили, обвинив в злоупотреблениях, голову казненного выставили публике напоказ на вершине столба.

Костомаров сомневается в том, что Екатерина действительно вступила в любовную связь с Монсом. Он пишет: «Едва ли возможно допустить, чтоб Екатерина своим коротким обращением с Монсом подала повод к такой ревности. Допустим даже, что Екатерина не питала к мужу столько любви, чтоб такая любовь могла удерживать в ней верность к супругу; но то несомненно, что Екатерина была очень благоразумна и должна была понимать, что от такого человека, каков был Петр, невозможно, как говорится, утаить шила в мешке и провести его так, чтоб он спокойно верил в любовь женщины, которая будет его обманывать. Наконец, и собственная безопасность должна была руководить поведением Екатерины: если б жена Петра позволила себе преступные шалости, то ей пришлось бы очень нездорово, когда бы такой супруг узнал об этом».

* * *

Костомаров пишет о воспитании московских царевен следующее: «Царские дочери до тех пор жили затворницами, никем не видимые, кроме близких родственников, и не смели даже появляться публично. Это зависело, главным образом, от того монашеского взгляда, который господствовал при московском дворе и дошел до высшей степени силы при Романовых. Боязнь греха, соблазна, искушения, суеверный страх порчи и сглаза – все это заставляло держать царевен взаперти. Величие их происхождения не допускало отдачи их в замужество за подданных, а отдавать их за иностранных принцев было трудно, потому что тогдашнее благочестие приходило в соблазн при мысли о брачном союзе с неправославными». В итоге после того, как их брат короновался, царевен ждало пострижение в монастырь.

Анна Петровна

Дочери Петра – Анна и Елизавета – получили совсем другое воспитание. И когда в 1720 году герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский приезжает в Россию, он видит перед собой не русских царевен, а европейских принцесс. Дочери Петра говорили на нескольких языках – французском, немецком, итальянском, шведском и, возможно, на финском, умели держать себя в обществе. Когда отец и мать были в разъездах, девочки оставались в доме Меншикова (а точнее, в его дворце на Васильевском острове), росли вместе с его детьми, с ними играли и учились. Сама Екатерина, сопровождая Петра в одном из военных походов, писала своим тогда еще малолетним дочерям и просила их: «Для Бога потщиться, писать хорошенько, чтобы похвалить за оное можно было вас и вам послать презент прилежания вашего, гостинец». Их наставницей стала итальянка, графиня Марианна Манияни, специально для этого приехавшая в Россию. Европейским танцам их обучал танцмейстер Стефан Рамбург.

Елизавета Петровна

Камер-юнкер Фридрих-Вильгельм Берхгольц, приехавший в Россию в свите голштинского герцога, побывав на одной из ассамблей в Летнем саду, пишет: «Мы сперва отправились туда, где думали найти лучшее, то есть царский двор, который очень желали видеть, и прошли наконец в среднюю широкую аллею. Там, у красивого фонтана, сидела ее величество царица в богатейшем наряде. Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную, как ангел... По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное... Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы украшены драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру».

Через некоторое время ему удалось полюбоваться танцами принцесс в одной из открытых галерей, выстроенных вдоль Невы: «Узнав, что в открытой галерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел наконец счастье видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны, – пишет он. – Мне больше нравилось, как танцует младшая принцесса; она от природы несколько живее старшей».

Зимы царская семья проводила в одном из деревянных зимних дворцов на набережной Невы, а на лето перебиралась в Летний дворец или в Петергоф. Для Екатерины и ее дочерей также построили маленькие летние увеселительные дворцы – Екатерингоф, Анненгоф и Елизаветенгоф. Здесь тоже довелось побывать юнкеру Берхгольцу. Он рассказывает о том, как император Петр пригласил своих гостей прогуляться на яхтах: «Впереди плыл адмирал маленького флота, имевший на своем судне, для отличия, большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права обгонять его. Царь ехал недалеко позади, на барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал поворотил назад, а все следовавшие за ним остановились и выждали, пока он не прошел мимо... Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух. Мы спустились до самого Екатерингофа, куда приехали очень скоро, потому что плыли по течению реки, да и, кроме того, водою туда от города не более четырех верст... По приезде в Екатерингоф мы вошли в небольшую гавань, в которую едва ли могут свободно пройти два судна рядом. Все общество по выходе на берег отправилось в находящуюся перед домом рощицу, где был накрыт большой длинный стол, уставленный холодными кушаньями, за который однако ж порядочно не сажались; царь и некоторые другие ходили взад и вперед и по временам брали что-нибудь из поставленных на нем плодов».

В подарок будущему тестю Карл Фридрих привез знаменитый Готторпский глобус и, возможно, именно этим окончательно добился расположения Петра. Глобус был искусно изготовлен механиком Андреасом Бушем из Лимбурга и граверами Ротгизерами из Гузума. На наружную сторону гигантского медного шара под руководством географа Адама Олеария нанесли карту поверхности земли, а на внутреннюю поверхность – карту звездного неба. Внутри на специальной скамеечке могли уместиться 12 человек. Когда они занимали свои места, глобус начинал медленно вращаться, показывая движение звезд. Петр, обожавший подобные «игрушки», велел построить для глобуса в Летнем саду специальный павильон и часто приводил туда гостей, рассказывая им об устройстве глобуса и об устройстве мира, в котором они живут.

А через несколько дней в Большой дворцовой зале Зимнего дворца на набережной Невы, в присутствии всего двора и множества приближенных, состоялось обручение герцога Голштинского со старшей дочерью Петра I Анной.

Герцог Голштинский

Разумеется, голштинцы все как один восхищаются будущей герцогиней. Перед обручением цесаревны Анны с герцогом Берхгольц замечал в своем дневнике: «Вообще можно сказать, что нельзя написать лица более прелестного и найти сложение более совершенное, чем у этой принцессы. Ко всему этому присоединяются еще врожденная приветливость и обходительность, которыми она обладает в высшей степени». Отзыв другого голштинца, графа Бассевича, столь же восторжен. В своих «Записках» он говорит: «Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчило в ней. Рост ее, более пяти футов, не казался слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнее ее осанки и физиономии, ничто правильнее очертаний ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого-либо недостатка. Ко всему этому присоединялись проницательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского. С детства отличалась она неустрашимостью, предвещавшею в ней героиню, и находчивостью».

Однако ее жених, судя по отзывам современников, нервничал, злоупотреблял горячительными напитками и ухаживал также и за младшей сестрой. Не лучшее начало для брака.

По брачному договору Анна Петровна сохраняла православное вероисповедание и могла воспитывать в православии рожденных в браке дочерей, тогда как сыновья должны воспитываться в вере отца. Анна и ее муж отказывались от возможности претендовать на российскую корону, но договор имел секретную статью, по которой Петр оставлял за собой право провозгласить наследником сына от их брака.

Через месяц после обручения дочери Петр I скончался, и императрицей провозгласили Екатерину, во всем опирающуюся на Меншикова. Уже при новой императрице совершилось бракосочетание герцога с Анной Петровной – 21 мая (1 июня) 1725 года, в Троицкой церкви на Петербургской стороне. К церкви жених и невеста ехали «в большой уборной цветной Барже». «На Ея Высочестве Государыне Невесте была Цесарская Корона, украшенная Бриллиантами и прочими драгими камнями, и одеяние было Порфира пурпуроваго бархата, подбитая Горностаями», – отмечено в официальном описании торжества. Свадьбу справляли в Летнем саду, в обширной зале для торжеств. «По обоим сторонам за столами сидели и прочие Российские Кавалеры, и чужестранные Министры, и другие знатные Особы, и Дамы, которые званы были до 7 класса: которых было всех званных до 400 персон, все в богатоубранном цветном платье: так же и все подлые разных чинов люди пущены были для гулянья в огород Ея Величества. И во время стола стреляли много раз с помянутой Яхты из пушек, и трубили на трубах с литаврным боем, а музыки иной ни какой не было». В честь праздника фонтаны в Летнем саду били красным и белым вином, на лугу «близь большого глобуса» выстроились гвардейцы, которые дали салют в честь императрицы и молодоженов.

Молодожены поселились в трехэтажном каменном доме, нанятом за 3000 рублей у генерал-адмирала Апраксина (дом этот находился на месте Салтыковского подъезда нынешнего Зимнего дворца).

Карл Фридрих принадлежал к весьма разветвленной Ольденбургской династии, к ее младшей Гольштейн-Готторпской линии, был правителем сразу трех маленьких княжеств – Гольштейна, Готторпа и Шлезвига. Уже не первый век гольштейн-готторпские князья лавировали между Швецией, Данией и Германией, пытаясь сохранить территориальную целостность и, по возможности, продвинуть одного из своих отпрысков на шведский или датский престол, на которые они теоретически тоже имели права. При таком положении дел каждый младенец мужского пола, родившийся в этой семье, являлся той пешкой, которая потенциально могла пройти в ферзи. К тому же союзом с Россией Карл Фридрих значительно укрепил свои позиции.

Но – вот незадача! – в 1721 году Дания закрепила в международном договоре передачу герцогства Шлезвиг с его важнейшими портовыми городами на Балтийском и Северном морях по наследству вместе с датским королевским престолом. В 1725 году императрица Екатерина начала готовиться к войне за возвращение Шлезвига своему зятю. Однако приготовления вскоре сошли на нет – забеспокоилась Англия, а с ней приходилось считаться даже российской монархине. 6 мая 1727 года императрица скончалась, наследником провозгласили сына царевича Алексея и Софии Шарлотты, Петра II. Ему тогда исполнилось 12 лет, и ввиду его малолетства назначили регентский совет в состав которого, в числе прочих, вошли Карл Фридрих и цесаревны Анна и Елизавета. Но пока для малолетнего Петра строился дворец на набережной Невы рядом с дворцом Меншикова и в невесты царевичу предназначалась дочь Меншикова – Мария. «Полудержавный властелин» недолюбливал Карла Фридриха и в конце концов вынудил «загостившегося» герцога и его супругу уехать из России.

25 июля 1727 года супруги отплыли в город Киль, а 10 (21) февраля 1728 года в Кильском замке на свет появился сын Анны и Карла Фридриха, которому при рождении дали имя Карла Петра Ульриха. Рождение наследника отмечалось пышными торжествами. Но, к сожалению, желая полюбоваться фейерверком, едва оправившаяся от родов Анна Петровна неосторожно открыла окно. Фрейлины умоляли ее поберечь себя, Анна только рассмеялась и сказала: «Мы, русские не так изнежены, как вы», но она ошиблась. 4 мая 1728 года герцогиня скончалась от горячки.

Тело ее после смерти забальзамировали, и Анну похоронили на родине – в Петропавловском соборе, неподалеку от могилы отца. «Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество», – отмечает в своих «Записках» Екатерина.

Глава II

Елизавета – цесаревна ставшая императрицей

Анна Петровна скончалась в возрасте 20 лет. Ее младшая сестра Елизавета прожила долгую жизнь, стала императрицей и просидела на троне двадцать лет – и это не худшие годы для России. Но была ли она счастливее?

Герцог Лирийский, увидевший юную Елизавету, составил о ней такое впечатление: «Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, каких я никогда не видывал. Цвет лица ее удивителен, глаза пламенные, рот совершенный. Шея белейшая и удивительный стан. Она высокого роста и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха. В обращении ее много ума и приятности, но заметно некоторое честолюбие».

Елизавета Петровна

А вот какой увидела Елизавету в зените ее славы и могущества другая принцесса – София Августа Амалия Фредерика Ангальт-Цербстская, супруга великого князя и наследника престола Петра Федоровича, получившая в России имя Екатерины Алексеевны: «На другой день... мы пошли в палатку к Императрице и застали ее с управителем... на которого она в ту минуту бранилась... Управитель стоял бледный и дрожал; Императрица не щадила бранных слов и была в исступлении от гнева... Разгневавшись, она обыкновенно начинала делать намеки, на кого ей вздумается, и чем дальше, тем яснее, причем произносила слова чрезвычайно быстро. Между прочим она говорила, что ей очень хорошо известно, как нужно управлять имением, что она научилась этому в царствование Императрицы Анны, что, не получая больших доходов, она не позволяла себе роскошничать, и не делала долгов, боясь погубить свою душу, что если бы она в то время умерла с долгами, то никто не стал бы платить за нее, и душа ее пошла бы в ад, чего она не хотела; что для этого, будучи у себя дома и запросто, она нарочно ходила в самом простом костюме, в сереньком платье и белой тафтяной кофте, этим делала экономию и никак не позволяла себе наряжаться в богатое платье в деревне или в дороге. Это уже явно относилось ко мне и потому что на мне тогда было лило-

вое с золотом платье. Я проглотила пилюлю. Мы все не смели вымолвить слова; Императрица чрезвычайно раскраснелась, и глаза у нея сверкали от гнева. Шут ее Аксаков положил конец этой диссертации, продолжавшейся с лишком пол часа. Он вошел в палатку и поднес ей в шапке маленького ежа. Императрица подошла посмотреть, громко вскрикнула, промолвив: настоящая мышь! и опрометью убежала во внутренность палатки: она смертельно боялась мышей».

Что же произошло? Что превратило прекрасную, полную энергии, задора и лукавства девушку в брюзгливую и склочную старуху, смешную и страшную одновременно?

Переменчивая судьба юной принцессы

Правление императрицы Екатерины I не было ни долгим, ни славным. Большую часть его она провела, пьянствуя со своей придворной дамой Настасьей Голицыной. То, что при жизни Петра было лишь кратким и редким развлечением, стало после его смерти потребностью. По-видимому, Екатерина была искренне и глубоко привязана к своему «старику» и с готовностью сошла за ним в могилу. Но перед этим она успела поучаствовать в торжественном открытии Петербургской Академии наук и тем хотя бы отчасти оправдала ожидания, возложенные теми, кто видел в ней наследницу Петра. Верным сторонником и помощником несчастной императрицы оставался Александр Данилович Меншиков. Перед смертью Екатерина написала в завещании: «Цесаревнам и администрации вменяется в обязанность стараться о сочетании браком великого князя с княжною Меншиковою». Светлейший уже видел свою дочь Марию следующей императрицей и думал, что будущее его и его семьи обеспечено. На самом деле никто не мог предсказать капризов истории. Уже через год после того, как умерла Екатерина, а юный Петр взшел на престол, Меншиков и его семья отправились в ссылку. Теперь наибольшее влияние на Петра оказывал московский боярский род Долгоруких, а именно – молодой, 22-летний Иван Алексеевич Долгорукий, сестру которого Екатерину в 1729 году объявили государыней-невестой и обручили с царем. И снова столь тщательно составленные планы в одночасье пошли прахом. Юный Петр II умер от оспы, а Долгорукие отправились в Сибирь.

Жена английского посланника леди Джейн Рондо писала домой: «Все семейство Долгоруких, в том числе и бедная «императрица на час», сослано. Их сослали в то самое место, где живут дети Меншикова. Так что две дамы, которые одна за другой были невестами молодого царя, имеют возможность встретиться в ссылке. Не правда ли, хорошенький сюжет для трагедии? Говорят, детей Меншикова возвращают из ссылки, и та же охрана, что сопровождает туда Долгоруких, будет сопровождать обратно Меншиковых. Если это правда, то это великодушный поступок, так как их отец был столь непримиримым врагом нынешней царицы, что даже лично оскорблял ее своим поведением и высказываниями.

Вас, вероятно, удивляет, что ссылают женщин и детей. Но здесь, когда подвергается опале глава семьи, вся семья также попадает в опалу, имущество, принадлежавшее им, отбирается, и они из знатности опускаются до условий самого низшего круга простолюдинов; и если замечают [в свете] отсутствие тех, кого привыкли встречать в обществе, никто не справляется о них. Иногда мы слышим, что они разорились, но никогда не упоминают о тех, кто попал в немилость. Если, благодаря везению, им возвращают благосклонность, их обласкивают, как всегда, но никогда не вспоминают о прошлом».

Но встречи двух «поруганных» невест не произошло – Мария Меншикова уже умерла в Березове, а следом за ней скончался ее отец.

* * *

Но перед теми царедворцами, которым повезло избежать ссылки, в полный рост встала новая проблема, требующая безотлагательного решения: кто теперь будет занимать российский трон?

19 января 1730 года, сразу после смерти Петра, в первом часу ночи в Москве началось секретное заседание Верховного тайного совета (орган управления, созданный при Екатерине Алексеевне), который и должен был решить этот вопрос. К восьми утра решили пригласить на царствование герцогиню курляндскую Анну. Кто была она и почему имела права на российский престол «через голову» родных дочерей Петра?

Еще в 1710 году дочь покойного царя Ивана и Прасковьи Федоровны Анну Иоанновну, одну из «его величества племянниц», проводивших свое детство в Измайлове под покровительством Петра, выдали замуж за герцога Курляндского (маленькое государство на западе современной Латвии). Празднества продолжались без малого четыре месяца, но молодая чета так и не смогла вернуться в Курляндию – герцог умер в дороге, в 40 верстах от Санкт-Петербурга, на мызе Дудергоф. Вдовая герцогиня по распоряжению Петра приехала в столицу Курляндии Митаву одна и осталась там жить. От ее имени Курляндией управлял российский представитель П.М. Бестужев-Рюмин.

Содержание ей отпускали скудное, и она жаловалась Петру, что не может «себя платьем, бельем, кружевами и по возможности алмазами не только по своей чести, но и против прежних вдовствующих герцогинь курляндских достаточно содержать», меж тем как «партикулярные шляхетские жены в Митаве ювелиры и прочие уборы имеют небогие, из чего герцогине, при ее недостатках, не бесподозрительно есть».

Анна Иоанновна

О митавской затворнице вспомнили только в 1730 году, после смерти Петра II. По предложению Д.М. Голицына и В.Л. Долгорукова Верховный тайный совет пригласил Анну на российский престол. Почему именно она, а не одна из дочерей Петра? Возможно, петербургская и московская знать так и не решила для себя, можно ли считать принцесс законнорожденными, ведь было хорошо известно, что девочки не «багрянородные», а «привенчаные»: они родились за несколько лет до заключения официального брака между Петром и Екатериной.

Анну заставили подписать «Кондиции» (соглашения), согласно которым, без Верховного тайного совета она не могла объявлять войну, заключать мир, вводить новые подати и налоги, производить в чины выше полковника, жаловать вотчины, без суда лишать дворянина жизни, чести и имущества, вступать в брак, назначать наследника престола. Прибыв в Москву и убедившись в верности гвардейцев (она тут же провозгласила себя шефом Преображенского полка и поднесла каждому преображенцу стакан водки из своих рук) и дворянства, вручившего ей 25 февраля 1730 года челобитную с просьбой о восстановлении самодержавной власти, Анна показала норов, присущий Романовым, и разорвала «Кондиции», а придя к власти, жестоко расправилась с Долгорукими и Голицыным, пытавшимися диктовать ей свою волю.

Анна, по признанию историков, как и многие женщины рода Романовых, обладала «инстинктом власти», разумеется, не врожденным, а приобретенным в превратностях жизни. Перенесла немало унижений, она научилась не верить льстивым словам «доброжелателей», а всегда помнить о своих интересах и защищать их без страха и стеснения, но с упорством и с хитростью. Она создала при себе кабинет министров, в который включила канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и действительного тайного советника князя Черкасского.

Кабинет министров взял на себя управление российской экономикой и добился определенных успехов. Например, при Анне Иоанновне Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна, обогнав Англию, а в Европе, ведущей постоянные войны, всегда был спрос на чугун для пушек. Россия также экспортировала лен, полотно, парусину, канаты и пеньку.

Именно при Анне Иоанновне Петром Еропкиным создана знаменитая трехлучевая планировка Петербурга, а Петергоф украсил знаменитый фонтан «Самсон», символизирующий победу России над Швецией и сооруженный в ознаменование 25-летия этой победы.

Анна Иоанновна не любила водки и боялась пьяных. Но веселиться она умела так, как умел это ее дядя Петр, как умели веселиться в начале XVIII века. Потомкам это веселье часто казалось буйным или даже варварским. Особенно знаменитой стала история с Ледяным домом, построенным для шутовской свадьбы калмычки Авдотьи Бужениновой (царица дала ей эту фамилию потому, что женщина была толста, прожорлива и особенно любила буженину) и Михаила Голицына, опального князя, разжалованного в шуты за то, что он (первым из русских бояр) женился на итальянке, католичке, да еще и незнатного происхождения. И все же эти дикие забавы оставались лишь продолжением шутовских свадеб карликов при Петре. Правда, тогда молодоженов не запирали в ледяном доме, а, напоив вином, заставляли драться между собой до крови.

Но бывали у Анны и более интеллектуальные забавы – и тоже вполне в духе Петра. Например, астроном Жозеф

Никола Делиль приносил во дворец «ньютонovu трубу», то есть телескоп, и императрица с удовольствием смотрела в нее на Марс, Юпитер с его галилеевыми спутниками и Сатурн с кольцами.

«Десятилетнее ее царствование с внешней стороны представлялось современникам как бы продолжением славного царствования Петра Великого, как по внешней, так и по внутренней политике. Действительно, среди западноевропейских держав Россия в ее царствование не только удержала положение, занятое ею при первом Императоре, но еще более закрепила его», – пишет биограф Анны, русский историк конца XIX века Дмитрий Александрович Корсаков.

Там, где при прежних правителях совершился отход от установлений Петра, все вернулось на прежнее место под руководством и контролем прежних сподвижников Петра, прежде всего Андрея Ивановича (Генриха Иоганна Фридриха) Остермана и Буркхарда Миниха.

* * *

Анна не была красавицей в общепризнанном смысле этого слова. Но так же общепризнанно, что корона способна придавать в глазах людей шарм лицам самым заурядным. Наталья Шереметьева, невеста одного из опальных Долгоруких, глядя из окна своей светлицы на то, как едет на коронацию женщина, которая собирается безжалостно сослать всю семью ее жениха в Сибирь, видит такую картину: «Престрашного она была взору! Отвратное лицо имела. Так велика была: меж кавалеров идет, всех ростом выше и чрезвычайно толста».

А леди Джейн Рондо встречает в Петербурге совсем иную женщину: «Она почти моего росту, но несколько толще, со стройным станом, смуглым, веселым и приятным лицом, чер-

ными волосами и голубыми глазами. В телодвижениях показывает какую-то торжественность, которая вас поразит при первом взгляде, но когда она говорит, на устах играет улыбка, которая чрезвычайно приятна.

Она говорит много со всеми и с такою ласковостью, что кажется, будто вы говорите с кем-то равным. Впрочем, она ни на одну минуту не теряет достоинства монархини; кажется, что она очень милостива, и думаю, что ее бы назвали приятною и тонкою женщиною, если б она была частным лицом».

Испанский дипломат герцог де Лириа вносит в портрет, нарисованный Джейн Рондо, новые краски: «Царица Анна была вдовствующею герцогинею Курляндскою, когда была возведена на престол, и дочерью царя Иоанна, старшего брата Петра I. Она толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, нежели женское. В обхождении она приятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любит пышность до чрезмерности, отчего двор ее великолепием превосходит все прочие европейские. Она строго наблюдает повиновение к себе и желает знать все, что делается в ее государстве; не забывает услуг, ей оказанных; но вместе с тем хорошо помнит и нанесенные ей оскорбления. Словом, я могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголетнего царствования».

Еще один портрет нам дает прожившая три года в Петербурге англичанка Элизабет Джастис: «Ее величество высока, очень крепкого сложения и держится соответственно королевской особе. На ее лице выражение и величия, и мягкости. Она живет согласно принципам своей религии. Она обладает отвагой, необычной для ее пола, соединяет в себе все добродетели, какие можно было бы пожелать для монаршей особы, и хотя является абсолютной властительницей, всегда милосердна».

Императрица предоставила ведение дел созданному ей правительству во главе с курляндским дворянином Бироном, ставшим для нее самым ближайшим другом и фаворитом. Но не менее чем с Бироном она была дружна с его женой. Семья Биронов жила в Летнем саду, в Летнем дворце Петра, и императрица нередко начинала день с того, что пила кофе в комнатах мадам Бирон.

Императрица Анна строго поделила свою жизнь на официальную и частную. На официальных церемониях она являлась монархиней огромной империи, женщиной, сочетающей величие и роскошь в одежде с любезными манерами. Такой ее запомнили многочисленные иностранные гости Петербурга.

Двор также должен был соответствовать императрице. Запрещалось появляться на официальных приемах в одном и том же костюме более двух раз. Платья шили из золотой и серебряной парчи или бархата, зимой украшали мехами и всегда – драгоценностями. К тому же портные-иностранцы были малочисленны и задирали цены за свою работу. В ту пору ходила поговорка: «Этот кафтан – деревня». Это означало, что за покупку тканей и пошив костюма пошли деньги, полученные от продажи целой деревни крепостных – около 200–300 рублей (одно из платьев госпожи Бирон стоило 500 рублей).

Летние дни Анна Иоанновна проводила в Петергофе или в Летнем саду, где для нее по проекту Бартоломео Франческо Растрелли построили новый дворец на берегу канала, напротив Марсова поля. Жила она там уединенно, в компании только своих фрейлин и приближенных, и развлекалась, стреляя птиц из окна дворца. Стреляла она, по словам современников, весьма метко.

* * *

Элизабет Джастис, посещая Зимний дворец (это не тот Зимний дворец, который знаком нам, а его предшественник, стоявший на том же месте и также построенный Растрелли) видит царицу во всем ее блеске и рядом с нею – двух принцесс-сирот.

«Дворец великолепен; в нем ее величество дает аудиенции всем должностным лицам и по определенным дням обедает там, – писала Элизабет. – Дворец очень обширен и величествен. Потолки превосходно расписаны. Трон очень просторен; балдахин богато расшит золотом и имеет длинную бахрому. Кресло, в котором сидит императрица, бархатное; остов его золотой. Там есть также два других кресла, для принцесс. Одна стена комнаты обита красивой позолоченной кожей, покрытой различными прекрасными изображениями, и другая стена, зеркальная, со всевозможными птицами перед ней, тоже выглядит очень мило. Из окна открывается красивая перспектива на реку и плывущие корабли.

Для развлечения дважды в неделю идет итальянская опера, которую содержит ее величество. Туда допускают только тех, кто имеет билеты. Я имела честь дважды видеть ее величество в опере. Оба раза она была во французском платье из гладкого силезского шелка; на голове у нее был батистовый платок, а поверх – то, что называют шапочкой аспадилли из тонких кружев с вышивкой тамбуром и с бриллиантами на одной стороне. Ее величество опиралась на руку герцога Курляндского (Бирона. – Е. Я.), ее сопровождали две принцессы, затем остальная знать.

В центре партера стояли три кресла; в среднем сидела ее величество, а по бокам – принцессы в роскошных одеждах. Принцесса Анна была в малиновом бархате, богато расшитом золотом; платье было сшито, как и подобает инфанте. Оно имело длинный шлейф и очень большой корсет. Кудрявую головку Анны красиво покрывали кружева, а ленты были приколоты так, что свисали примерно на четверть ярда. Ее шемизетка была собрана шелком в складки и плотно прилегала к шее. У нее были четыре двойных гофрированных воротника, на голове бриллианты и жемчуг, а на руках браслеты с бриллиантами. Одежды принцессы Елизаветы были расшиты золотом и серебром, а все остальное не отличалось от одежд принцессы Анны.

Одеяния знати – как мужчин, так и дам – очень богаты. Некоторые дамы были в бархате, и большинство имели на отделке платьев крупные жемчужины. На других были гладкие силезские шелка, отделанные испанскими кружевами. Мужчины обычно носили бархат, расшитый золотом и серебром, каковым умением русские знамениты, как знамениты показной пышностью и парадностью. Думаю, что в этом русский двор невозможно превзойти».

После отъезда Анны и ее смерти на чужбине Елизавета оказалась практически пленницей своей двоюродной сестры Анны Иоанновны. Многие иностранцы, приезжавшие в Петербург, сразу замечали в свите императрицы юную царевну. Они также не упускали из виду, что царевна живет отнюдь не по-царски: у нее нет своего двора, она стеснена в средствах. Как нам уже известно, позже сама Елизавета будет говорить, что в те времена она больше всего боялась умереть, не расплатившись с долгами, так как тогда ее душа была бы проклята и не попала бы в рай.

Джейн Рондо, имевшая возможность близко познакомиться с Елизаветой, пишет: «Вы узнаете, что я часто бываю у принцессы Елизаветы и что она удостоила меня своим посещением, и восклицаете: „Умна ли она? Есть ли в ней величие души? Как она мирится с тем, что на троне – другая?“. Вы полагаете, на все эти вопросы ответить легко. Но я не обладаю Вашей проницательностью. Она оказывает мне честь, часто принимая меня, а иногда посылает за мной. Сказать по правде, я почитаю ее и в душе восхищаюсь ею и, таким образом, посещаю ее из удовольствия, а не по обязанности. Приветливость и кротость ее манер невольно внушают любовь и уважение. На людях она непринужденно весела и несколько легкомысленна, поэтому кажется, что она вся такова. В частной беседе я слышала от нее столь разумные и основательные суждения, что убеждена: иное ее поведение – притворство. Она кажется естественной; я говорю «кажется», ибо кому ведомо чужое сердце? Короче, она – милое создание, и хотя я нахожу, что трон занят очень достойной персоной, все же не могу не желать, чтобы принцесса стала по крайней мере преемницей».

Поначалу Елизавета жила в селе Покровском под Москвой. Там она гуляла и пела с деревенскими девушками, охотилась на зайцев в Александровской слободе, каталась на коньках и была внешне весела и беззаботна, но ни на секунду не забывала о том, что для Анны она – соперница и угроза. И когда Анна вызвала ее в Петербург, Елизавета не сомневалась, что это решение породило не только и не столько родственные чувства, сколько желание держать потенциальную заговорщицу поближе к себе. Одно время Анна планировала выдать Елизавету за... шаха Ирана Надира, но потом отказалась от этой идеи. Однако принцесса понимала, что все время ходит по лезвию ножа. Малейшая ошибка, одно неосторожное слово – и Елизавету ждал насильственный постриг в монастырь. И продолжалось это более десяти лет. Но все же молодость брала свое. Елизавета познакомилась с красивым малороссом – певчим Алексеем Разумовским – и влюбилась в него. Юный возлюбленный стал одним из участников заговора, который должен был освободить Елизавету и привести ее на трон ее отца. Вместе с ним в заговоре участвовали лейб-медик Иван Герман Лесток, а также братья Александр и Петр Шуваловы и граф Михаил Илларионович Воронцов.

О созревающем заговоре никто не подозревал. Английский посол Финч писал своему правительству: «Елизавета слишком полна, чтобы быть заговорщицей». В то же время французский посланник маркиз де Шетарди помогал заговорщикам деньгами, так как считал, что такая смена власти в интересах его страны. На деньги Шетарди Елизавета подкупила солдат и офицеров Преображенского полка. Она немало времени проводила в казармах, разговаривала с солдатами запросто, звала их «дети мои», крестила их новорожденных и щедро раздавала деньги. К тому же преображенцы чтили память Петра и ненавидели «немцев», пришедших к власти при Анне Иоанновне. Елизавета могла на них положиться.

Новая преграда – внучка Иоанна

Но вот в 1740 году Анна Иоанновна умирает, и трон переходит... нет, не к дочери Петра, а к совсем другой женщине. К принцессе Елизавете Екатерине Крестине Мекленбург-Шверинской. Чтобы понять, кто она и почему ее предпочли Елизавете, придется отступить немного назад.

У царя Ивана V Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой была еще одна дочь, Екатерина, – старшая сестра императрицы Анны Иоанновны, племянница и крестница императора Петра I. Мы уже встречались с ней в Измайлове, где парадные портреты ее и ее сестры писал голландский живописец Корнелис де Брюйн, видели и в траурной процессии, сопровождавшей гроб Петра.

Мать очень любила ее и ласково звала «свет-Катюшкой». В отличие от замкнутой Анны, «свет-Катюшка» выросла живой, общительной и немного легкомысленной девушкой, обожавшей танцы, катания и прочие развлечения. Ей сильно досаждала полнота, и по рекомендации Петра она пыталась поститься и ограничить себя во сне, но могла продержаться лишь несколько дней.

В январе 1716 года Петр выдал «свет-Катюшку» за герцога Мекленбургского – господина еще одного северо-германского княжества, соседнего с Голштинией и Шлезвигом.

Свадьба получилась не совсем добровольной: герцог хотел жениться на овдовевшей к тому времени Анне и присоединить к своим владениям герцогство Курляндское. Однако Петр настоял на том, чтобы невестой стала Екатерина, и герцогу пришлось подчиниться. Пикантная подробность: в то время как герцог сватался к царским племянницам, еще жива была его первая супруга, немка София Гедвига, урожденная принцесса Нассау-Фрисландская, с которой он даже не успел развестись, но уже выгнал из дворца, так как они решительно «не сошлись характерами».

Со второй женой у герцога тоже не получилось семейной идиллии. Царица Прасковья Федоровна жаловалась Екатерине Алексеевне на зятя: «Прошу у вас, государыня, милости, – писала она 23 апреля 1721 года, – побей челом царскому величеству о дочери моей, Катюшке, чтоб в печалех ее не оставил в своей милости; также и ты, свет мой, матушка моя невестушка, пожалуй, не оставь в таких ее несносных печалех. Ежели велит Бог видеть В<аше> В<еличест>ство, и я сама донесу о печалех ее. И приказывала она ко мне на словах, что и животу своему не рада... приказывала так, чтоб для ее бедства умилился царское величество и повелел бы быть к себе...».

«...Сердечно соболезную, – отвечал Петр, извещенный о бедах племянницы. – Но не знаю, чем помочь? Ибо ежели бы муж ваш слушался моего совета, ничего б сего не было; а ныне допустил до такой крайности, что уже делать стало нечего. Однако ж прошу не печалиться; по времени Бог исправит и мы будем делать сколько возможно».

Однако в должное время герцогиня известила Екатерину Алексеевну: «Примаю смелость я, государыня тетушка, В. В-ству о себе донести: милостию Божиею я обеременила, уже есть половина. И при сем просит мой супруг, тако же и я: да не оставлены мы будем у государя дядюшки, тако же и у вас, государыня тетушка, в неотменной милости. А мой супруг, тако же и я, и с предбудущим, что нам Бог даст, покамест живы мы, В. В-ству от всего нашего сердца слуги будем государю дядюшке, также и вам, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу, и государыням сестрицам: царевне Анне Петровне, царевне Елисавете Петровне.

А прежде половины (беременности) писать я не посмела до В. В-ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего тако-же надеялася быть, однако же тогда было неправда; а ныне за помощью Божиею уже прямо узнала и приняла смелость писать до вас, государыня тетушка,

и до государя дядюшки, и надеюсь в половине „ноემврии“ [ноября] быть, еже Бог соизволит».

Екатерина немного ошиблась с подсчетами – только 7 декабря 1718 года она родила дочь Елизавету Екатерину Христину. Можно представить, какой радостью было это известие для бабушки и как тревожно ей было за дочь и внучку. Когда девочка немного подросла, Прасковья Федоровна стала посылать ей трогательные письма, в которых обращалась к ней «Друг мой сердечный внучка!» и «Внучка, свет мой!» и рисовала на бумаге свои глаза, потому что «бабушка твоя старенькая хочет тебя, внучку маленькую, видеть».

Поскольку отношения в герцогской семье не налаживались, а бабушка (пожалуй, первый раз в жизни) проявила недюжинную настойчивость, в 1722 году Екатерина Ивановна вместе с четырехлетней дочерью приехала в Москву погостить, да так и загостилась навсегда.

* * *

Старушка-царица успела порадоваться встрече с внучкой, но скоро — уже в 1723 году — умерла. Поскольку у Анны Иоанновны не было своих детей, корону должна унаследовать дочь Екатерины – как потомок старшей линии наследования, внучка царя Иоанна. Для этого она приняла православие и новое имя – Анна Леопольдовна. (Анной бывшую Елизавету Екатерину Христину называли в честь тетки.) Вскоре Екатерина умерла и похоронена рядом с матерью в Александро-Невской лавре.

Джейн Рондо пишет в Британию: «Дочь герцогини Мекленбургской, которую царица удочерила и которую теперь называют принцессой Анной, – дитя, она не очень хороша собой и от природы так застенчива, что еще нельзя судить, какова станет. Ее воспитательница – во всех отношениях такая замечательная женщина, какую, я полагаю, только можно было сыскать...»

Анна Леопольдовна

Принцесса Анна, на которую смотрят как на предполагаемую наследницу, находится сейчас в том возрасте, с которым можно связывать ожидания, особенно учитывая получен-

ное ею превосходное воспитание. Но она не обладает ни красотой, ни грацией, а ум ее еще не проявил никаких блестящих качеств. Она очень серьезна, немногословна и никогда не смеется; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, за ее серьезностью скорее кроется глупость, нежели рассудительность».

По воспоминаниям одних современников, Анна Леопольдовна была глупа, невежественна и неряшлива: доходило до того, что она являлась в церковь на службы, не сменив утреннего халата на более подобающий в этом случае костюм. Другие отмечали, что она застенчива и очень любит читать немецкие и французские книги. Но русский двор и, видимо, Анну Иоанновну интересовало только одно – плодovitость племянницы.

И вот 3 июля 1739 года Анна Леопольдовна стала супругой Антона Ульриха, герцога Брауншвейг-Беверн-Люнебургского, второго сына герцога Фердинанда Альбрехта Брауншвейг-Вольфенбюттельского и племянника покойной Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, несчастной жены царевича Алексея. Юного принца загодя привезли в Россию (ему тогда исполнилось 14 лет), чтобы он и будущая супруга успели привыкнуть и привязаться друг к другу. «Но это, мне думается, привело к противоположному результату, поскольку она выказывает ему презрение – нечто худшее, чем ненависть», – пишет Джейн Рондо. Принц, как и его невеста, был юношей болезненно застенчивым (возможно, потому, что страдал заиканием), да к тому же невзрачной внешности. Однако Джейн Рондо отмечает также, что принц «вел себя храбро в двух кампаниях под началом фельд-маршала Миниха». Впрочем, это не прибавило ему очарования в глазах принцессы, но дело решило то, что Бирон стал сватать за нее своего сына и Анне Леопольдовне пришлось «выбрать меньшее из двух зол». Интересно, что Анна Иоанновна при всей своей любви к Бирону (на чем бы эта любовь не была основана) не стала настаивать на том, чтобы его сватовство было принято. Видимо, она прекрасно понимала, что брак с представителями весьма влиятельной в Европе Брауншвейгской династии гораздо выгоднее, чем союз с герцогами Курляндскими.

Свадьбу отпраздновали со всей возможной пышностью. Когда процессия отправилась в церковь, то на императрице, как отмечает наблюдательная англичанка, было «платье с жестким лифом (называемое здесь роброном), коричневое с золотом, очень богатое и, по моему, очень красивое. Из украшений – много жемчуга, но никаких других драгоценностей». Жених был одет в белый атласный костюм, вышитый золотом; а невеста – в платье из серебристой, вышитой серебром ткани с жестким лифом. «Корсаж весь был усыпан бриллиантами; ее собственные волосы были завиты и уложены в четыре косы, также увитые бриллиантами; на голове – маленькая бриллиантовая корона, и множество бриллиантов сверкало в локонах. Волосы ее – черные, и камни в них хорошо смотрелись», – сообщает своей сестре Джейн Рондо.

Принцесса Елизавета была одета в розовое с серебром платье, превосходно украшенное драгоценными камнями.

На церемонии обручения она заливалась слезами то ли умиления, то ли сочувствия к юной Анне, вынужденной выходить замуж за нелюбимого.

На свадебном обеде присутствовали только Анна Иоанновна, жених с невестой и Елизавета. Остальные разъехались по домам, чтобы немного отдохнуть, так как процессия началась в девять часов утра, а когда сели обедать, пробило восемь часов вечера. Но в десять все вернулись во дворец, и начался бал, продолжавшийся до полуночи.

Празднование затянулось на несколько дней. Балы, ужины, маскарады в Зимнем и в Летнем дворцах следовали один за другим. Джейн Рондо скрупулезно отмечает, что когда новобрачных провожали в постель, то принцессу облачили «в белую атласную ночную сорочку, отделанную тонкими брюссельскими кружевами», а принц был «одет в домашний халат». А на следующий день, на балу, «они появились в новых, не в тех, что накануне, наря-

дах. На новобрачной было платье с выпуклыми золотыми цветами по золотому полю, отделанное коричневой бахромой; на новобрачном – камзол из той же ткани». А еще через день, на маскараде, новобрачные были одеты «в оранжевые домино, маленькие шапочки того же цвета с серебряными кокардами; маленькие круглые жесткие плоеные воротники, отделанные кружевами, были завязаны лентами того же цвета». Когда же после большой кадрили все пошли к столу, то «вокруг стола стояли скамейки, украшенные так, что выглядели подобно лугу; стол устроен так же; и стол, и скамейки покрыты мхом с воткнутыми в него цветами, как будто росли из него. И сам ужин, хотя и совершенно великолепный, подавался так, что все выглядело, словно на сельском празднике. Конечно, английским родственницам леди Рондо были интересны все эти подробности, а завершает письмо Джейн такими словами: «Все эти рауты были устроены для того, чтобы соединить вместе двух людей, которые, как мне кажется, от всего сердца ненавидят друг друга; по крайней мере, думается, это можно с уверенностью сказать в отношении принцессы: она обнаруживала весьма явно на протяжении всей недели празднеств и продолжает выказывать принцу полное презрение, когда находится не на глазах императрицы».

В 1740 году принцесса родила сына Ивана, наследника престола. Анна Иоанновна была этому очень рада и приказала поместить новорожденного возле своей опочивальни. Манифестом 5 октября 1740 года принцу Иоанну пожалован титул великого князя и он объявлен наследником всероссийского престола. «А ежели Божеским соизволением, – говорилось в манифесте, – оный любезный наш внук, благоверный великий князь Иоанн, прежде возраста своего и не оставя по себе законнорожденных наследников, преставится, то в таком случае определяем и назначаем в наследники первого по нем принца, брата его от вышеозначенной нашей любезнейшей племянницы, ее высочества благоверной государыни принцессы Анны, и от светлейшего принца Антона Ульриха, герцога Брауншвейг-Люнебургского, рождаемого; а в случае и его преставления, других законных, из того же супружества рождаемых принцев, всегда первого, таким порядком, как выше сего установлено».

В том же году после смерти Анны Иоанновны Анну Леопольдовну объявили правительницей при младенце-императоре Иоанне VI. Однако уже в ноябре 1741 года о своих правах на престол заявила «дочь Петрова» – Елизавета.

Дворцовый переворот

Принц и принцесса переехали в Зимний дворец, куда перевезли и малолетнего императора Иоанна. Регентом при малолетнем принце сначала назначили Эрнста Иоганна Бирона, такова была последняя воля Анны Иоанновны. Ходили, однако, слухи, что Анна Иоанновна подписала этот указ по настоятельной просьбе самого Бирона и будто бы сказала при этом: «Мне жаль тебя, герцог, ты сам не знаешь, на что идешь». И верно: таким положением дел оказалась недовольна гвардия, подстрекаемая Елизаветой. Однако и сам принц Антон Ульрих сочувствовал движению среди гвардейцев против Бирона. Но узнав о готовящемся против него заговоре, Бирон приказал арестовать гвардейцев и бить кнутом в Тайной канцелярии. Антон Ульрих был исключен за это регентом из русской службы.

Анна Леопольдовна нашла союзника в Минихе – человеке честном, решительном, храбром, верном Петру, да к тому же еще весьма склонном к авантюрам. Тот, не раздумывая долго, среди ночи явился к зарвавшемуся регенту вместе с солдатами-преображенцами и взял его под арест. 9 ноября был издан манифест «об отрешении от регентства Империи герцога Курляндского Бирона», объявлявший правительницею Анну Леопольдовну, с титулами великой княгини и императорского высочества. Бирона с семейством отправили в ссылку в Пелым.

В кабинет министров новой правительницы, кроме Миниха и Остермана, вошли князь Алексей Михайлович Черкасский и граф Михаил Гаврилович Головин. Им поручили «все то, что касается до внутренних дел по сенату и синоду, и о государственных по камер-коллегии сборах и других доходах, о коммерции, о юстиции и о прочем, к тому принадлежащем».

Однако Миних откровенно симпатизировал прусскому курфюрсту, знаменитому Фридриху II, и этим воспользовались враги фельдмаршала, чтобы убедить Анну Леопольдовну отправить его в отставку. Позже она объясняла саксонскому посланнику Линару: «Фельдмаршал неисправим в своем доброжелательстве к Пруссии, хотя я много раз объявляла ему свою решительную волю помочь императрице Терезии; также мало обратил он внимания на внушения, чтоб исполнять приказания моего мужа, как мои собственные; мало того, он поступает вопреки и собственным моим приказаниям, выдает свои приказы, которые противоречат моим. Долею иметь дело с таким человеком значит рисковать всем».

Какие решения успела принять Анна Леопольдовна (сама ли, или руководствуясь советами мужа и министров, среди которых «первую скрипку», несомненно, играл Остерман)? Все они, так или иначе, стремились, как это сейчас говорят, «укрепить вертикаль власти» и усилить контроль за исполнением принятых решений. Одним из первых своих указов она попыталась упорядочить процедуру подачи ей челобитных. В указе 27 ноября говорилось: «...тем челобитчикам, которые по своим прошениям во учрежденных местах во определенных указами и регламентами сроки справедливого решения не получают, не по другим каким законным препятствиям, но токмо за единою напрасною волокитою, челобитные свои, со обстоятельным изъяснением... подавали бы прямо нам и определенному для того нарочно при Дворе нашем рекетмейстеру Фенину». А он уже решал, передать ли челобитные в руки правительницы или послать их в Сенат, Синод или другие учреждения. В кабинет велено было подавать ежедневные рапорты о решенных делах не только в Сенате, как делалось прежде, но во всех коллегиях и канцеляриях, «дабы мы могли видеть, с какою ревностью и попечением данные нами указы и высочайшая воля исполняются». Также Анна Леопольдовна повелела присылать в кабинет три раза в год финансовые отчеты из всех департаментов. Еще при Минихе, часто получавшем жалобы от военных частей на плохое качество сукна, был разработан «регламент или работные регулы на суконные и каразейные фабрики», который устанавливал стандартные размеры и критерии качества для выпускаемых

сукон, ограничивал рабочий день на фабриках пятнадцатью часами и вводил нормы заработной платы для ткачей.

* * *

Вице-канцлер Головкин и некоторые другие приближенные лица советовали Анне Леопольдовне принять титул императрицы; она отложила это до дня своего рождения, 7 декабря. Антон Ульрих предостерегал ее от заговора Елизаветы, но Анна то ли не приняла это всерьез, то ли решила, что можно уладить этот конфликт, просто проявив немного больше внимания и дружелюбия по отношению к принцессе.

23 ноября 1741 года на куртаге (придворной вечеринке) Анна Леопольдовна вызвала Елизавету в свои покои, чтобы поговорить с ней по-семейному. Она сказала, что до нее доходят слухи о готовящемся заговоре, и прямо спросила Елизавету, принимает ли та в нем участие. Разумеется, Елизавета была очень испугана, она стала убеждать Анну, что никогда не замышляла ничего против ее сына и стала жертвой клеветы. Ей удалось рассеять подозрения доверчивой правительницы, и тем не менее она понимала, что больше нельзя откладывать решительных действий.

Ночью 25 ноября 1741 года Елизавета надела поверх платья гвардейскую кирасу и явилась в казармы Преображенского полка. Историки расходятся во мнении о том, с какими именно словами она обратилась к солдатам. Одни передают, что цесаревна сказала: «Други мои! Как вы служили отцу моему, то при нынешнем случае и мне послужите верностью вашею!». Другие приводят такую краткую речь: «Ребята! Вы знаете, чья я дочь, ступайте за мной». Ясно одно: преображенцы были готовы поддержать ее во всем. Елизавета взяла крест, опустилась на колени, а за нею преклонили колена и все остальные. Елизавета сказала: «Клянусь умереть за вас, клянётесь ли вы умереть за меня?».

Преображенцы с принцессой отправились в Зимний дворец. Так как Елизавете было трудно идти по глубокому снегу, солдаты подняли ее на плечи. Семеновцы, стоявшие в тот день на карауле, пропустили преображенцев во дворец, не только не оказав никакого сопротивления, но даже не подняв тревоги.

Елизавета Петровна в Царском Селе

Анна Леопольдовна спала. Спали и ее дети: царевич Иоанн и маленькая принцесса Екатерина, которой тогда исполнилось только пять месяцев. Елизавета сама разбудила Анну, которая умоляла только не делать зла ни детям, ни фрейлинам. Цесаревна посадила ее в

свои сани и отвезла ее и детей в свой дворец. Скоро во дворец цесаревны привезли Антона Ульриха и других арестованных.

В вышедшем через несколько дней манифесте Елизавета объявляла, что из-за того, что на троне очутился младенец, государство оказалось на грани гибели. «...Чрез разные персоны и разными образы происходило, от чего уже как внешние, так и внутрь Государства беспокойства и непорядки, – писала она, – и, следовательно, немалое же разорение всему Государству последовало б; того ради все Наши, как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо Лейб-Гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы, для пресечения всех тех происшедших и впредь опасных беспокойств и непорядков, яко по крови ближняя, Отеческий Наш Престол Всемилоостивейше воспринять соизволили, и по тому Нашему законному праву, по близости крови к Самодержавным Нашим вседражайшим Родителям, Государю Императору

Петру Великому и Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, и по их всеподданнейшему Наших верных единогласному прошению, тот Наш Отеческий Всероссийский Престол Всемилоостивейше воспринять соизволили...»

* * *

Анна Леопольдовна, ее муж и их дети содержались в крепостях – Дюнамюнде (Рига) и Раненбурге (на границе Липецкой и Рязанской области), а потом – в холмогорском монастыре недалеко от Архангельска. В тюрьме у Анны Леопольдовны родились еще два сына – Петр и Алексей. Родив последнего, Анна заболела родильной горячкой и умерла. Ей было всего 28 лет. Ее торжественно похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Но оставались ее дети, а пока они были живы, оставался возможен новый дворцовый переворот. Так что Елизавета вновь не могла быть спокойна. Она не спала ночами, боялась собственных приближенных и не верила никому.

«Веселая царица была Елисавет»...

Эти строки Алексея Толстого намертво приклеились к «дщери Петровой», словно ярлык. На самом деле вы, вероятно, уже поняли, что Елизавете часто было не до веселья.

Подросткового Ивана перевезли в Шлиссельбург, где он находился в полной изоляции и под постоянной строгой охраной. Там он содержался до 1764 года, когда подпоручик Василий Яковлевич Мирович попытался освободить Ивана. Однако стражникам выдали секретную инструкцию умертвить арестанта, если его будут пытаться освободить (даже предъявив указ императрицы об этом), поэтому в ответ на требование Мировича о капитуляции они закололи Ивана и только потом сдались.

После смерти Иоанна Елизавету терзало раскаяние. Она то ездила с двором в паломничества по монастырям, замаливая грехи и пытаясь спасти свою душу, то веселилась до упаду, стараясь забыться, то гневалась по любому пустяку, наводя страх на придворных.

Остальное «брауншвейгское семейство», как звали их в России, оставалось в Холмогорах. Нередко они нуждались в самом необходимом. Забегая вперед, скажу, что позже, после того как на престол взошла Екатерина II, Антону Ульриху предложили удалиться из России, оставив лишь детей в Холмогорах; но он не покинул их и умер в России в 1774 году. В начале 1780 года Екатерина II решила отправить детей Антона Ульриха к их тетке – королеве Датской Юлиане Марии. Они отбыли на фрегате «Полярная звезда», получив серебряную посуду, украшения и подарки, кроме того, им назначили денежное содержание из русской казны (по 8 тысяч рублей в год на каждого).

* * *

Елизавета короновалась в Успенском соборе Московского Кремля 25 апреля 1742 года. Коронование совершал новгородский епископ, но корону на себя Елизавета возложила сама, как это всегда делали русские цари. Царствование ее было долгим и славным, не было смертной казни (императрица, возможно, все так же заботясь о спасении своей души, собственноручно заменяла смертные приговоры ссылкой). Россия стала одним из крупнейших экспортеров железа, возникли первые банки, отменили внутренние таможи. Реформу подготовил Петр Иванович Шувалов, а его двоюродный брат Иван Иванович Шувалов учредил Академию трех знатнейших художеств в Санкт-Петербурге и разработал вместе с Ломоносовым проект создания первого русского университета в Москве. Также в то время создан Первый русский для представления комедий и трагедий театр. До этого театры были, либо самодеятельные, как при Наталье Алексеевне, либо итальянские и французские, как при Анне Иоанновне. Теперь же на столичной сцене выступала русская профессиональная труппа под руководством Федора Волкова и исполняла трагедии Сумарокова и комедии самого Волкова.

А.Г. Разумовский

Елизавета покровительствовала Ломоносову и его другу – Дмитрию Ивановичу Виноградову, создателю русского фарфора. При ней основана Первая акушерская школа, открыты Пажеский корпус и множество гимназий во всех городах России. Активно шло освоение Сибири и Южного Урала, исследование Камчатки и Аляски.

Но была ли в этом заслуга самой императрицы? Все историки признают за императрицей, по крайней мере, одно достоинство: она умела распознавать в людях способности и находить для них подходящее место.

Красивый, но необразованный малороссийский певчий Разумовский, которого императрица возвела в графское достоинство, сделала кавалером ордена Андрея Первозванного, обер-егермейстером, подполковником лейб-гвардии Конного полка и капитан-поручиком лейб-кампании и, вполне вероятно, своим морганатическим супругом, не имел тем не менее никакого влияния на государственные дела. А другого своего фаворита – умного и образованного Ивана Ивановича Шувалова – она сделала обер-камергером и действительным тайным советником, дала ему (единственному) право докладывать ей о тех вопросах, которые он считал важными. Шувалов готовил многие указы и объявлял Сенату или губернаторам повеления императрицы.

И.И. Шувалов

В первые же годы правления Елизаветы воссоздан петровский Сенат и упразднен кабинет министров как нововведение Анны Иоанновны. Но при этом создан Собственный ее Величества кабинет, который фактически исполнял те же функции, действуя «поверх головы» Сената.

Население России в тот период составляло примерно 19 000 000 человек, около 60 % из них — крестьяне. В 1741 году Сенат предложил Елизавете провести перепись населения, чтобы упорядочить сбор подушной подати — основного источника денег в казне. Перепись проходила около трех лет, и указы, принятые после нее, закрепили право владеть крепостными как дворянскую привилегию. При этом, если помещики жестоко обращались со своими крестьянами (которые так же, как и они, являлись подданными императрицы), их могли привлечь к суду и лишить имущества и даже заставить выплачивать материальную компенсацию пострадавшим крепостным. Таким образом, Елизавета пыталась выстроить четкую финансовую и властную вертикаль. Она хорошо усвоила ту идею, что благо государства зависит от благосостояния народа, и стремилась внедрить эту идею в головы дворянства.

«Прощтрафившихся» крепостных отправляли в Сибирь для развития земледелия и освоения местных богатств, в частности нерчинских серебряных заводов, а помещикам засчитывали их как поставленных рекрутов, — смесь жестокости и прагматизма, так характерная для XVIII века. В год через Казань пересылалась около 500 человек, которые, прибыв на место, переставали быть крепостными и становились государственными крестьянами.

При Елизавете Россия вела войну со Швецией и добилась выдвижения на шведский престол голштинского принца Адольфа Фредерика, двоюродного дяди русского наследника Петра Федоровича. Она также участвовала в Семилетней войне на стороне Франции и Австрии. Разгневанный Фридрих II называл трех женщин во власти государств, ведущих против него военные действия, — Марию Терезию, маркизу Помпадур и Елизавету — «тремя ведьмами». Но министры Елизаветы Петровны подкупали иностранных журналистов, чтобы те создавали благоприятный образ России на международной арене.

А что же с балами и маскарадами? Конечно, они были, и Елизавета их очень любила. Великая княгиня, жена Петра Федоровича Екатерина Алексеевна, отмечала, что императрица любила появляться в мужском платье, демонстрируя всем свою великолепную фигуру и стройные ноги.

При Елизавете в Петербурге и его окрестностях строились великолепные дворцы, памятники пышного стиля барокко: Екатерининский дворец в Царском Селе (названный так в честь матери Елизаветы, чья небольшая мыза прежде располагалась на этом месте), Большой Петергофский дворец, так называемый «Каменный дом» в Ораниенбауме (сейчас его называют «дворцом Петра III») и Китайский дворец для Екатерины Алексеевны. В Петербурге Бартоломео Франческо Растрелли строил Зимний дворец, а в Литейной части — прекрасный Смольный собор — напоминание о мечте императрицы в конце жизни уйти в монастырь и посвятить свои дни молитвам о спасении души. Мечте, которой так и не суждено было сбыться.

Годы правления Елизаветы — время расцвета русской науки и культуры, время политической стабильности и укрепления государственной власти. И все же, когда императрица умерла, она оставила несколько тысяч платьев, усыпанных драгоценностями, два сундука шелковых чулок, недостроенный Зимний дворец и огромные долги. По словам великого русского историка Василия Осиповича Ключевского, «Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII века, которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти».

Свекровь и невестка

Елизавета так и не вышла замуж, а значит, у нее не было и не могло быть законных наследников. Некоторые историки приписывают ей сына от Алексея Разумовского и дочь от Ивана Шувалова, но доподлинно о них ничего не известно. Но России был нужен наследник. И только взойдя на престол, Елизавета решает как можно быстрее вызывать из Киля племянника – сына сестры Анны, того самого голштинского принца Карла Петра, ставшего в России Петром Федоровичем. И очень скоро Петру привозят невесту из Германии – Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую.

Голштинский принц Карл Петр (Петр III)

«Маленькая Фике» (так ее звали дома) родилась в 1729 году. Ее отец, Христиан Август Ангальт-Цербстский, состоял на службе у прусского короля, был полковым командиром, комендантом, затем губернатором города Штеттина. Мать, Иоганна Елизавета, происходила из рода Гольштейн-Готторп, и приходилась Петру Федоровичу двоюродной теткой со стороны отца. Очевидно, это родство и стало причиной того, что Фредерику выбрали в невесты Петру (герцогская семья была совсем не богата), но будущий император вся Руси мог не беспокоиться о размерах приданого невестки.

Фредерика – старшая из пяти детей герцога и герцогини. Она росла сорвиголовой, дружила со штеттинскими мальчишками, была защитницей двух младших братьев, Вильгельма Христиана и Фридриха Августа.

Вероятно, Иоганна Елизавета тяготилась своим неравным, по ее мнению, браком с человеком в два раза старше ее и воспитала свою дочь амбициозной и не брезгующей никакими средствами для достижения своих целей. Однако царица Екатерина Алексеевна (такое имя получила Фредерика в России) добивалась власти с гораздо большей хитростью и изысканностью, чем ее простодушная мать.

В написанных много лет спустя мемуарах она говорит, что взяла за основу учение французских философов-энциклопедистов о том, что судьбу человека определяют не его рождение, а природные задатки, воспитание и главное – самовоспитание.

«Счастье не так слепо, как его себе представляют, – пишет она. – Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств,

характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;
Поведение – меньшей;
Счастье или несчастье – заключением.
Вот два разительных примера:
Екатерина II,
Петр III».

В первых абзацах своих мемуаров Екатерина разделяется со своим бывшим супругом («С десятилетнего возраста Петр III обнаружил наклонность к пьянству... он был упрям и вспыльчив... не любил окружающих... был слабого и хилого сложения... он большей частью проявлял неверие... не раз давал почувствовать... что предпочел бы уехать в Швецию, чем оставаться в России»). Затем Екатерина начинает описывать свой «путь наверх».

Разумеется, она – полная противоположность Петру. Приехав в Россию, она сразу же составила себе план из трех пунктов:

- «1) нравиться императрице;
- 2) нравиться жениху;
- 3) нравиться народу».

София Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская (Екатерина II)

Для этого, прежде всего, она начала учить русский язык.

«Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть тетради, которые оставлял мне Ададуров; так как комната моя была теплая и я вовсе не освоилась с климатом, то я не обувалась – как вставала с постели, так и училась. На тринадцатый день я схватила плеврит, от которого чуть не умерла... Наконец нарыв, который был у меня в правом боку, лопнул... я его выплюнула со рвотой, и с этой минуты я пришла в себя; я тотчас же заметила, что поведение матери во время моей болезни повредило ей во мнении всех. Когда она увидела, что мне очень плохо, она захотела, чтобы ко мне пригласили лютеранского священника; говорят, меня привели в чувство или воспользовались минутой, когда я пришла в себя, чтобы мне предложить это, и что я ответила: „Зачем же? Пошлите лучше за Симеоном Теодорским, я охотно с ним пого-

ворю“. Его привели ко мне, и он при всех так поговорил со мной, что все были довольны. Это очень подняло меня во мнении императрицы и всего двора».

Таким образом, даже находясь между жизнью и смертью, Екатерина продолжала заботиться себе «очки» и, убедившись, что мать ей больше мешает, чем помогает, не препятствовала ее удалению от двора.

Описывая свою жизнь вместе с Елизаветой, Екатерина скрупулезно отмечает все интриги, поклепы и наветы, которые пришлись на ее долю, все бестактности и грубости ее мужа, все праздники, увеселения и подарки, которыми она старалась порадовать Петра и Елизавету: «...мне сказали, что в России любят подарки и что щедростью приобретаешь друзей и станешь всем приятной... ко мне приставили самую расточительную женщину в России, графиню Румянцеву, которая всегда была окружена купцами; ежедневно представляла мне массу вещей, которые советовала брать у этих купцов и которые я часто брала лишь затем, чтобы отдать ей, так как ей этого очень хотелось. Великий князь также мне стоил много, потому что был жаден до подарков; дурное настроение матери также легко умиротворялось какой-нибудь вещью, которая ей нравилась, и так как она тогда очень часто сердилась, и особенно на меня, то я не пренебрегала открытым мною способом умиротворения».

Упоминает она, не чинясь, и свои романы с Сергеем Салтыковым (прозрачно намекая, что он отец цесаревича Павла) и со Станиславом Понятовским. Пишет о том, как тяжела была для нее разлука с маленьким Павлом, которого Елизавета пожелала воспитывать сама.

Она не забывает отмечать, что пристрастилась к серьезному чтению («...целый год я читала одни романы; но, когда они стали мне надоедать, я случайно нашла на письма г-жи де Севинье: это чтение очень меня заинтересовало. Когда я их проглотила, мне попались под руку произведения Вольтера; после этого чтения я искала книги с большим разбором»), охоте («По утру я вставала в три часа и без прислуги с ног до головы одевалась в мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобы идти на морской берег к рыбачьей лодке. Пешком с ружьем на плече, мы пробирались садом и, взяв с собою легавую собаку, сели в лодку, которою правил рыбак. Я стреляла уток в тростнике по берегу моря, по обеим сторонам тамошнего канала, который на две версты уходит в море...») и садоводству («Сначала в разбивке сада мне помогал Ораниенбаумский садовник Ламберти, бывший садовником Императрицы в Царском Селе, когда она была еще принцессой. Он занимался предсказаниями и между прочим предсказал Императрице Её восшествие на престол. Он же говорил мне много раз и повторял беспрестанно, что я буду Русскою Императрицею Самодержицею, что увижу сыновей, внуков и правнуков и умру в глубокой старости, с лишком 80 лет; мало того, он назначил год моего восшествия на престол за шесть лет до события. Это был очень странный человек; он говорил с такою уверенностью, что ничем нельзя было разубедить его. Он верил, что Императрица не любит его за то, что он предсказал случившееся с нею; что она его боится и по этой причине перевела из Царского Села в Ораниенбаум»).

Об этом хобби Екатерины необходимо сказать два слова. В середине XVIII века роскошные и парадные сады эпохи барокко уступают место так называемым пейзажным английским паркам. «Идеологической базой» этой моды стало учение французских просветителей о «естественном человеке», «благородном дикаре», наслаждающемся гармонией на лоне природы, вдалеке от развращенной цивилизации. Сад вокруг Екатерининского дворца в Ораниенбауме – один из первых образцов английских парков в России и одновременно еще один манифест Екатерины, которым она подчеркивала свою просвещенность и любовь к простоте и истине. Позже она напишет Вольтеру: «В настоящее время я люблю до сумасшествия английские сады, кривые линии, нежные скаты, пруды наподобие озерков и резко определенные береговые очертания, и питаю глубочайшее отвращение к линиям прямым, похожим друг на друга. Я ненавижу фонтаны за ту пытку, которой они подвергают воду,

заставляя ее следовать направлению, противоположному ее естественному течению... одним словом, англомания овладела вполне моею плантоманиею».

В своих дворцах Екатерина устраивала пышные праздники для мужа и для свекрови. Вот описание одного из таких праздников, происходивших в Ораниенбауме 25 июля 1750 года, в честь открытия Оперного дома: «Стол с изрядными кушаньями приготовлен был весьма добропорядочно, после чего представлен десерт, из изрядных и великолепных фигур состоящий. Во время стола играла италийская вокальная и инструментальная камерная музыка, причем пели и нововыписанные италийцы, а при питии за высокие здравия пушечная стрельба производилась. При наступлении ночи против залы на построенном над каналом тамошней приморской гавани великом театре представлена была следующая великолепная иллюминация: во входе в амфитеатр, которой к морю перспективным порядком простирался, стоял по одну сторону храм Благоговейной любви, а по другую – храм Благодарности. Между обоими храмами на общем их среднем месте в честь высоких свойств ея императорского величества стоял Олтарь, на которой от Солнца, лучи свои ниспущающие возженные, и от радости для вожделенного присутствия ея императорского величества воспламенявшиеся их императорских высочеств сердца от благоговейной любви и благодарности в жертву приносились, с подписью: огнем твоим к тебе горим.

По обе стороны вышеобъявленных храмов флигели на столбах, как передняя галереи с представленными напротив аллеями из гранатовых деревьев в приятнейшем виде двух далеко распространяющихся перспектив до горизонта простирались. Там на одной стороне являлась восходящая и от Солнца освещенная Луна с подписью: Тобою светясь бежу. На другой стороне представлена была восходящая на горизонте планета Венера, которая свет свой от солнца ж получала, с подписью: Тобою ясна восхожу».

Так вынужденная выживать, Екатерина превратила выживание в высокое искусство.

Глава III ТАйны Екатерины

Екатерина Великая, строго говоря, не может быть одной из героинь нашей книги, так как не являлась русской принцессой и не состояла в кровном родстве с домом Романовых. Вам может это показаться пустой формальностью, так как мы привыкли рассматривать ее, прежде всего, как великую русскую императрицу. Но когда Екатерина пришла к власти, то в глазах современников все выглядело совсем не так. Принцесса-немка села на трон, убив чужими руками своего супруга, внука Петра I. То есть совершила не просто дворцовый переворот, как сделала это в свое время Елизавета, а настоящую революцию. А к революциям и в России, и в Европе относились с подозрением.

Шевалье де Рюльер, секретарь французского посланника в Петербурге, описывает события так: «Я был свидетелем революции, низложившей с российского престола внука Петра Великого, чтобы возвести на оный чужеземку».

Но был уже XVIII век, век Просвещения, и идея, что трон должен занимать прежде всего человек превосходных качеств, а не тот, кто волею судьбы родился в нужной семье, уже не казалась такой уж глупой и крамольной. Итак, чтобы подтвердить свои права на трон в глазах России и Европы, Екатерине во что бы то ни стало нужно было доказать всему миру, что она является лучшей правительницей для России, чем «потомок Петра», что она была вынуждена пойти на крайние меры, чтобы спасти страну от катастрофы.

Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая гвардией и народом в день переворота 28 июня (9 июля) 1762 года. По оригиналу Иохима Кестнера

И она разворачивает целую пропагандистскую кампанию, где все идет в ход: и любовь Петра к родной Голштинии, и его восхищение военным гением Фридриха Великого. Она даже собственноручно написала мемуары, в которых раскрыла самые интимные подробности своей жизни при дворе Елизаветы и где всеми возможными способами подчеркивала, что Петр III действительно был полным ничтожеством, несостоятельным супругом и правителем и что он фактически сам принудил Екатерину к захвату власти. Недаром исследователь быта и нравов второй половины XVIII века, русский историк Я.Л. Барсков, писал об этой женщине: «Ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков». А Александр Сергеевич Пушкин просто назвал Екатерину «Тартюфом в юбке».

Принцесса Анна – чья она дочь?

Екатерина даже решила бросить тень на собственного сына, намекнув, что его отцом был вовсе не Петр, а один из ее фаворитов – Салтыков. Это случилось еще во времена Елизаветы. Произошло это «на даче» у Николая Наумовича Чоглокова – бывшего воспитателя Петра Федоровича, с женой которого Екатерина была дружна. «Около этого времени Чоглоков пригласил нас поохотиться у него на острове, – пишет Екатерина. – Мы выслали вперед лошадей, а сами отправились в шлюпке. Вышед на берег, я тотчас же села на лошадь, и мы погнались за собаками. Сергей Салтыков выждал минуту, когда все были заняты преследованием зайцев, подъехал ко мне и завел речь о своем любимом предмете. Я слушала его внимательнее обыкновенного. Он рассказывал, какие средства придуманы им для того, чтобы содержать в глубочайшей тайне то счастье, которым можно наслаждаться в подобном случае. Я не говорила ни слова; пользуясь моим молчанием, он стал убеждать меня в том, что страстно любит меня, и просил, чтобы я позволила ему быть уверенным, что я, по крайней мере, не вполне равнодушна к нему. Я отвечала, что не могу мешать ему наслаждаться воображением сколько ему угодно. Наконец он стал делать сравнения с другими придворными и заставил меня согласиться, что он лучше их; отсюда он заключал, что я к нему неравнодушна. Я смеялась этому, но, в сущности, он действительно довольно нравился мне. Прошло около полутора часов, и я стала говорить ему, чтобы он ехал от меня, потому что такой продолжительный разговор может возбудить подозрения. Он отвечал, что не уедет до тех пор, пока я скажу, что равнодушна к нему. «Да, да, – сказала я, – но только убирайтесь». – «Хорошо, я буду это помнить», – отвечал он и погнал вперед лошадь, а я закричала ему вслед: «Нет, нет!!». В свою очередь, он кричал: «Да, да!». И так мы разъехались. По возвращении в дом, бывший на острове, все сели ужинать. Во время ужина поднялся сильный морской ветер; волны были так велики, что заливали ступеньки лестницы, находившейся у дома, и остров на несколько футов стоял в воде. Пришлось оставаться в доме у Чоглоковых до двух или трех часов утра, пока погода прошла и волны спали. В это время Сергей Салтыков сказал мне, что само небо благоприятствует ему в этот день, позволяя больше наслаждаться пребыванием вместе со мною, и тому подобные уверения. Он уже считал себя очень счастливым, но у меня на душе было совсем иначе. Тысячи опасений возмущали меня; я была в самом дурном нраве в этот день и вовсе не довольна собой. Я воображала прежде, что можно будет управлять им и держать в известных пределах как его, так самою себя, и тут поняла, что то и другое очень трудно или даже совсем невозможно».

С.В. Салтыков

Как сцена из романа, не правда ли? А вот и сцена из комедии. Елизавета интересуется, когда же случится долгожданное прибавление в семействе Петра и Екатерины и получает исчерпывающий ответ: «Когда мы однажды приехали в Петергоф на куртаг, императрица сказала Чоглоковой, что моя манера ездить верхом мешает мне иметь детей и что мой костюм совсем неприличен; что когда она сама ездила верхом в мужском костюме, то, как только сходила с лошади, тотчас же меняла платье. Чоглокова ей ответила, что для того, чтобы иметь детей, тут нет вины, что дети не могут явиться без причины и что хотя Их Императорские Высочества живут в браке с 1745 года, а между тем причины не было.

Тогда Ее Императорское Величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщет с нее за то, что она не старается усовестить на этот счет заинтересованные стороны; вообще, она проявила сильный гнев и сказала, что ее муж колпак, который позволяет водить себя за нос соплякам.

Все это было передано Чоглоковыми в одни сутки доверенным лицам; при слове „сопляки“ сопляки утерлись и в очень секретном совещании, устроенном сопляками по этому поводу, было решено и постановлено, что, следуя с большою точностью намерениям Ее Императорского Величества, Сергей Салтыков и Лев Нарышкин притворятся, будто подверглись немилости Чоглокова, о которой он сам, пожалуй, и не будет подозревать, и под предлогом болезни их родителей поедут к себе домой недели на три, на четыре, чтобы прекратить бродившие темные слухи. Это было выполнено буквально, и на следующий день они уехали, чтобы укрыться на месяц в свои семьи».

Екатерина ясно дает понять, что испытывала отвращение к Петру, но не испытывала его к Салтыкову. И читатель ее мемуаров, умеющий сложить два и два, должен был сделать вывод, что осенью следующего года Екатерина родила долгожданного наследника, он на самом деле был сыном Салтыкова, а не ее мужа.

Павел I

И ей удалось добиться своего! Сомнения в законнорожденности преследовали Павла до конца его дней, а после его смерти, когда опубликовали мемуары Екатерины, они вспыхнули с новой силой. Может быть, Павел вспомнил о намеках своей матери, когда приказал подставить перед Михайловским замком памятник Петру I с надписью «Прадеду – правнук».

Но бросая тень на ненавистного мужа и нападая на сына, к которым тоже находилась не в лучших отношениях, Екатерина, казалось, не понимала, что приготовила неприятный сюрприз и любимому внуку Александру, и всем потомкам Павла. А впрочем, если, согласно завещанию Петра, умирающий государь мог завещать свой престол «любому честному юноше», то Екатерина оставляла за собой возможность посадить на трон Александра в обход его отца. Но мы уже знаем, что этого не случилось и что сомнения в законнорожденности Павла никогда всерьез не тревожили Романовых.

Сам Петр Федорович, по-видимому, никогда не сомневался в том, что именно он является отцом Павла. А вот со вторым ребенком такой ясности нет.

Принцесса Анна родилась 9 декабря 1757 года, между 10 и 11 часами вечера. Она появилась на свет в деревянном Зимнем дворце на Невском проспекте, где тогда жили Петр и Екатерина. В то время Петр все еще цесаревич, а Елизавета жива и царствует (ей предстояло прожить еще четыре года и пережить маленькую принцессу).

После рождения Павла Петр посылает шведскому королю Адольфу Фредерику такое письмо: «Сир! Не сумневаясь, что ваше величество рождение великаго князя Павла, сына моего, которым великая княгиня всероссийская, моя любезнейшая супруга, благополучно от бремени разрешилась сего сентября 20 дня в десятом часу перед полуднем, принять изволите за такое произшествие, которое интересуется не менее сию империю, как и наш герцогский дом; Я удостоверен, Сир! что ваше величество известите о том с удовольствием и что великий князь, мой сын, со временем воспользуется теми сентиментами, которые ему непрестанно внушаемы будут, и учинит себя достойным благоволения вашего величества. В протчем прошу подателю сего, моему камер геру господину Салтыкову во всем том, что он, ваше королевское величество, о неременной моей дружбе и преданности, тако ж де и о соучастии моем во всегдашнем вашем и королевского дома вашего благосостоянии именем моим обнадежить честь иметь будет совершенную веру подать. Я же пребываю вашего королевского величества к услугам готовнейший племянник».

А в письме датскому королю по поводу того же события он сообщает: «Неизреченною Всевышшаго щедротою любезнейшая моя супруга, ея императорское высочество, владеющая герцогиня Голштейн Шлезвигская и др. сего числа перед полуднем в десятом часу к крайнему моему порадованию рождением здорового и благообразного великого Князя, которому наречено имя Павел, от бремени благополучно разрешилась. Я сего ради оставить не хотел, чтоб ваше королевское величество и любовь о сем, толь приятном мне приключении, и о приращении великокняжеского моего дома дружбебноплемяннически не уведомить и чтоб при том усердно пожелать вам и королевскому дому вашему всякого постоянного благополучия, напротив чего уповаю, что и ваше королевское величество и любовь в нынешней моей радости благосклонное участие принять изволите. В прочем пребуду завсегда с особливим высокопочитанием вашего королевского величества и любви к услугам охотнейший племянник».

А о рождении принцессы Анны, случившемся спустя три года, он пишет следующее: «Сир! Будучи уверен о участии, которое Ваше величество во всем том принять изволите, что мне или фамилии моей случиться может, я преминуть не хотел, чтоб не уведомить ваше величество, что любезнейшая супруга моя, ея императорское высочество, великая княгиня всероссийская, 9-го сего месяца по полудни в двенатцатом часу благополучно разрешилась от бремени рождением великой княжны, которой наречено имя Анна. Я не сомневаюсь, Сир! чтоб ваше величество сие известие с радостию не услышали. Что же до моих к вам сентиментов касается, то я уповаю, что ваше величество уже достаточно уверены о моем искреннем в благополучии вашем соучастии и совершенной преданности, с которыми всегда пребываю. Вашего королевского величества ко услугам готовнейший племянник Петр Великий князь».

Александр Сергеевич Мельников, историк, специалист по правлению Петра III, обращает внимание на разницу в тоне этих трех писем. В письме, посвященном рождению Анны, нет никаких упоминаний об «укреплении голштинского дома» или о «союзе крови». Петр даже ни разу не называет Анну своей дочерью.

Станислав Август Понятовский

В отцовстве Анны подозревают уже нового фаворита Екатерины – будущего польского короля Станислава Понятовского. Вероятно, Петр об этих слухах знал, и они были ему так

же на руку, как позже будут Екатерине слухи о незаконнорожденности Павла. По словам самой Екатерины, в присутствии нескольких придворных ее супруг спрашивал: «Откуда моя жена беременеет?».

А впрочем, Екатерина в своих «Записках» сообщает, что ее муж «по этому случаю устроил у себя большое веселье, велел устроить то же и в Голштинии, и принимал все поздравления, которые ему по этому случаю приносили, с изъявлениями удовольствия».

Елизавета тоже по-разному «оценила» этих детей. За рождение Павла она пожаловала его родителям по 100 000 рублей, за рождение Анны – только по 60 000. В отношении императрицы к принцессе заметна некая двойственность: на крестины Анны в Большой придворной церкви не пригласили иностранных послов, но Елизавета стала восприемницей малютки и как гротмейстер ордена Св. Екатерины возложила его знаки на девочку. Екатерина хотела назвать девочку Елизаветой, но императрица отказала ей и дала новорожденной имя своей сестры и матери Петра.

Екатерина пишет далее: «После крестин начались празднества. Давались, как говорят, прекраснейшие, я не видала ни одного; я была в моей постели одна-одинешенька и не было ни единой души со мной, кроме Владиславовен, потому что, как только я родила, не только императрица в этот раз, как и в прошлый, унесла ребенка в свои покои, но также, под предлогом отдыха, который мне был нужен, меня оставили покинутой, как какую-то несчастную, и никто ни ногой не вступал в мою комнату и не осведомлялся и не велел осведомляться, как я себя чувствую. Как и в первый раз, я очень страдала от этой заброшенности». В дальнейшем мать долго не видела новорожденную и старшего сына.

Маленькая принцесса так никогда и не узнала об грязных сплетнях и о том, как ее родители сводили друг с другом счеты над ее колыбелью. Через год она тихо умерла от неизвестной болезни и похоронена в усыпальнице Благовещенской церкви в Александро-Невской лавре.

Княжна Тараканова – принцесса или самозванка?

Невозможно отрицать, что Екатерина, при всех ее недостатках как человека, была одаренной правительницей и очень много сделала для славы и пользы России. Она всеми возможными средствами стимулировала развитие предпринимательства, в том числе и мелкого. Освободила купцов от подушной подати, заставив их платить налог в зависимости от капитала, чем превратила налоговое бремя в элемент престижа, не допускала создания монополий, а в 1775 году издала указ, позволяющий «всем и каждому» начать свое дело, не получая специальных разрешений от правительственных чиновников. При ней Россия начала торговать хлебом с Европой. Екатерина также в 1769 году ввела в оборот бумажные ассигнации. Правда, это нововведение вовсе не свидетельствовало о финансовых успехах России, а, напротив, стало следствием обнищания в ходе войн, и тем не менее у бумажных денег оказалось большое будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.